

Василий Жуковский

Собрание баллад

Василий Андреевич Жуковский
Собрание баллад

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21118902
0101*

Содержание

ЛЮДМИЛА	5
КАССАНДРА[1]	15
СВЕТЛАНА	20
ПУСТЫННИК	30
АДЕЛЬСТАН	36
ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ	43
ВАРВИК	50
БАЛЛАДА, В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ, КАК ОДНА СТАРУШКА ЕХАЛА НА ЧЕРНОМ КОНЕ ВДВОЕМ И КТО СИДЕЛ ВПЕРЕДИ	56
АЛИНА И АЛЬСИМ	63
ЭЛЬВИНА И ЭДВИН	72
АХИЛЛ[5]	76
ЭОЛОВА АРФА	84
МЩЕНИЕ	94
ГАРАЛЬД	95
ТРИ ПЕСНИ	97
ДВЕНАДЦАТЬ СПЯЩИХ ДЕВ	98
Баллада первая.	100
Баллада вторая.	133
РЫБАК	165
ЛЕСНОЙ ЦАРЬ	167

ГРАФ ГАПСБУРГСКИЙ	169
УЗНИК	174
ДОНИКА	180
СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ	184
АЛОНЗО	188
ЛЕНОРА	191
КОРОЛЕВА УРАКА И ПЯТЬ МУЧЕНИКОВ	201
РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ	207
ПЛАВАНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО	216
РЫЦАРЬ РОЛЛОН	219
СТАРЫЙ РЫЦАРЬ	222
БРАТОУБИЙЦА	224

Василий Андреевич Жуковский Собрание баллад

ЛЮДМИЛА

«Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далекой стороне
Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила».
Так Людмила, приуныв,
К персям очи преклонив,
На распутии вздыхала.
«Возвратится ль он, — мечтала,
Из далеких, чуждых стран
С грозной ратию славян?»
Пыль туманит отдаленье;
Светит ратных ополченье;
Топот, ржание коней;
Трубный треск и стук мечей;
Прахом панцири покрыты;
Шлемы лаврами обвиты:

Близко, близко ратных строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
«Возвратились, незабвенны!..»
А Людмила? Ждет-пождет...
«Там дружину он ведет;
Сладкий час — соединенье!..»
Вот проходит ополченье;
Миновался ратных строй...
Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нет.
Тихо в терем свой идет,
Томну голову склонила:
«Расступись, моя могила;
Гроб, откройся; полно жить:
Дважды сердцу не любить».
«Что с тобой, моя Людмила?
Мать со страхом возопила. —
О, спокой тебя творец!» —
«Милый друг, всему конец;
Что прошло — невозвратимо;
Небо к нам неумолимо;
Царь небесный нас забыл...
Мне ль он счастья не сулил?
Где ж обетов исполненье?
Где святое провиденье?
Нет, немилостив творец;

Все прости; всему конец».
«О, Людмила, грех роптанье;
Скорбь — создателя посланье;
Зла создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит». —
«Ах! родная, миновалось!
Сердце верить отказалось!
Я ль, с надеждой и мольбой,
Пред иконою святой
Не точила слез ручьями?
Нет, бесплодными мольбами
Не призвать минувших дней;
Не цвести душе моей.
Рано жизнью насладились,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежних лет краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимых?
Возвращу ль невозвратимых?» —
«Царь небес, то скорби глас!
Дочь, вспомни смертный час;
Кратко жизни сей страданье;
Рай — смиренным воздаянье,
Ад — бунтующим сердцам;
Будь послушна небесам».
«Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
С милым вместе — всюду рай;
С милым розно — райский край

Безотрадная обитель.
Нет, забыл меня спаситель!» —
Так Людмила жизнь кляла,
Так творца на суд звала...
Вот уж солнце за горами;
Вот усыпала звездами
Ночь спокойный свод небес;
Мрачен дол, и мрачен лес.
Вот и месяц величавый
Встал над тихою дубравой:
То из облака блеснет,
То за облако зайдет;
С гор простерты длинны тени;
И лесов дремучих сени,
И зеркало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облеченны...
Спят пригорки отдаленны,
Бор заснул, долина спит...
Чу!.. полночный час звучит.
Потряслись дубов вершины;
Вот повеял от долины
Перелетный ветерок...
Скачет по полю ездов:
Борзый конь и ржет и пышет.
Вдруг... идут... (Людмила слышит)
На чугунное крыльцо...
Тихо брякнуло кольцо...
Тихим шепотом сказали...

(Все в ней жилки задрожали.)
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:
«Спит иль нет моя Людмила?
Помнит друга иль забыла?
Весела иль слезы льет?
Встань, жених тебя зовет». —
«Ты ль? Откуда в час полночи?
Ах! едва прискорбны очи
Не потухнули от слез.
Знать, тронулся царь небес
Бедной девицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Где же был? Какой судьбой
Ты опять в стране родной?»
«Близ Наревы дом мой тесный.
Только месяц поднебесный
Над долиною взойдет,
Лишь полночный час пробьет —
Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.
Поздно я пустился в путь.
Ты моя; моею будь...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пенье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржал.
Едем, едем, час настал».
«Переждем хоть время ночи;
Ветер встал от полуночи;

Хладно в поле, бор шумит;
Месяц тучами закрыт». —
«Ветер буйный перестанет:
Стихнет бор, луна проглянет;
Едем, нам сто верст езды.
Слышишь? Конь грызет бразды,
Бьет копытом с нетерпенья.
Миг нам страшен замедленья;
Краткий, краткий дан мне срок;
Едем, едем, путь далек».
«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колокол гудит». —
«Ветер стихнул; бор молчит;
Месяц в водный ток глядится:
Мигом борзый конь домчится».
«Где ж, скажи, твой тесный дом?»
«Там, в Литве, краю чужом:
Хладен, тих, уединенный,
Свежим дерном покровенный;
Саван, крест, и шесть досток.
Едем, едем, путь далек».
Мчатся всадник и Людмила.
Робко дева обхватила
Друга нежною рукой,
Прислонясь к нему головой.
Скоком, летом по долинам,
По буграм и по равнинам;
Пышет конь, земля дрожит;

Брызжут искры от копыт;
Пыль катится вслед клубами;
Скачут мимо них рядами
Рвы, поля, бугры, кусты:
С громом зыблются мосты.
«Светит месяц, дол сребрится:
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» —
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба». —
«Чу! в лесу потрясся лист.
Чу! в глуши раздался свист.
Черный ворон встрепенулся;
Вздвогнул конь и отшатнулся;
Вспыхнул в поле огонек». —
«Близко ль, милый?» — «Путь далек».
Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились;
Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики:
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок;
Будто плещет ручеек.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» —
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба». —
«Конь, мой конь, бежит песок;
Чую ранний ветерок;
Конь, мой конь, быстрее мчися;
Звезды утренни зажглися,
Месяц в облаке потух.
Конь, мой конь, кричит петух».
«Близко ль, милый?» — «Вот примчались».
Слышат: сосны зашатались;
Слышат: спал с ворот запор;
Борзый конь стрелой на двор.
Что же, что в очах Людмилы?
Камней ряд, кресты, могилы,
И среди них божий храм.
Конь несется по гробам;
Стены звонкий вторят топот;
И в траве чуть слышный шепот,
Как усопших тихий глас...
Вот денница занялась.
Что же чудится Людмиле?..
К свежей конь примчась могиле —
Бух в нее и с седоком.
Вдруг — глухой подземный гром;
Страшно доски затрещали;

Кости в кости застучали;
Пыль взвилася; обруч хлоп;
Тихо, тихо вскрылся гроб...
Что же, что в очах Людмилы?..
Ах, невеста, где твой милый?
Где венчальный твой венец?
Дом твой — гроб; жених — мертвец.
Видит труп оцепенелый;
Прям, недвижим, посинелый,
Длинным саваном обвит.
Страшен милый прежде вид;
Впалы мертвые ланиты;
Мутен взор полуоткрытый;
Руки сложены крестом.
Вдруг привстал... манит перстом...
«Кончен путь: ко мне, Людмила;
Нам постель — темна могила;
Завес — саван гробовой;
Сладко спать в земле сырой».
Что ж Людмила?... Каменеет,
Меркнут очи, кровь хладеет,
Пала мертвая на прах.
Стон и вопли в облаках;
Визг и скрежет под землею;
Вдруг усопшие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:
«Смертных ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;

Твой услышал стон творец:
Час твой бил, настал конец».

КАССАНДРА¹

Все в обители Приама
Возвещало брачный час,
Запах роз и фимиама,
Гимны дев и лирный глас.
Спит гроза минувшей брани,
Щит, и меч, и конь забыт,
Облечен в пурпурны ткани
С Поликсеною Пелид.
Девы, юноши четами
По узорчатым коврам,
Украшенные венками,
Идут веселы во храм;
Стогны дышат фимиамом;
В злато царский дом одет;
Снова счастье над Пергамом...
Для Кассандры счастья нет.
Уклонясь от лирных звонов,

¹ Кассандра — дочь Приама и Гекубы. Аполлон одарил ее предведением. По разрушении Трои досталась она на часть Агамемнона и вместе с ним погибла от руки Эгиста. Стихотворец представил ее в ту самую минуту, когда совершается брак Ахилла (названного здесь Пелидом по отцу его Пелею) с Поликсеною, младшей дочерью Приама. Она слышит торжественные песни и в то же время предвидит ужасный конец торжества. Известно, что Ахилл перед самым алтарем брачным умерщвлен Паридом, которого стрела направлена была Аполлоном. (Примеч. В. А. Жуковского.)

Нелюдима и одна,
Дочь Приама в Аполлонов
Древний лес удалена.
Сводом лавров осененна,
Сбросив жрический покров,
Провозвестница священна
Так роптала на богов:
«Там шумят веселых волны;
Всем душа оживлена;
Мать, отец надеждой полны;
В храм сестра приведена.
Я одна мечты лишена;
Ужас мне — что радость там;
Вижу, вижу: окрыленна
Мчится Гибель на Пергам.
Вижу факел — он светлеет
Не в Гименовых руках;
И не жертвы пламя рдеет
На сгущенных облаках;
Зрю пиров угоготовленье...
Но... горе, по небесам,
Слышно бога приближенье,
Предлетящего бедам.
И вотще мое стенанье,
И печаль моя мне стыд:
Лишь с пустынями страданье
Сердце сирое делит.
От счастливых отчужденна,
Веселящимся позор,

Я тобой всех благ лишена,
О предведения взор!
Что Кассандре дар вещанья
В сем жилище скромных чад
Безмятежного незнанья,
И блаженных им стократ?
Ах! почто она предвидит
То, чего не отвратит?...
Неизбежное приидет,
И грозящее сразит.
И спасу ль их, открывая
Близкий ужас их очам?
Лишь незнанье — жизнь прямая;
Знанье — смерть прямая нам.
Феб, возьми твой дар опасный,
Очи мне спеша затмить;
Тяжко истины ужасной
Смертною скуделью быть...
Я забыла славить радость,
Став пророчицей твоей.
Слепоты погибшей сладость,
Мирный мрак минувших дней,
С вами скрылись наслажденья!
Он мне будущее дал,
Но веселие мгновенья
Настоящего отнял.
Никогда покров венчальный
Мне главы не осенит:
Вижу факел погребальный;

Вижу: ранний гроб открыт.
Я с родными скучну младость
Всю утратила в тоске —
Ах, могла ль делить их радость,
Видя скорбь их вдалеке?
Их ласкает ожиданье;
Жизнь, любовь передо мной;
Все окрест очарованье —
Я одна мертва душой.
Для меня весна напрасна;
Мир цветущий пуст и дик...
Ах! сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ее проник!
Сладкий жребий Поликсены!
С женихом рука с рукой,
Взор, любовью распаленный,
И гордясь сама собой,
Благ своих не постигает:
В сновидениях златых
И бессмертья не желает
За один с Пелидом миг.
И моей любви открылся
Тот, кого мы ждем душой:
Милый взор ко мне стремился,
Полный страстною тоской...
Но — для нас перед богами
Брачный гимн не возгремит;
Вижу: грозно между нами
Тень стигийская стоит.

Духи, бледною толпою
Покидая мрачный ад,
Вслед за мной и предо мною,
Неотступные, летят;
В резвы юношески лики
Вносят ужас за собой;
Внемля радостные клики,
Внемлю их надгробный вой.
Там сокрытый блеск кинжала;
Там убийцы взор горит;
Там невидимого жала
Яд погибелью грозит.
Все предчувствуя и зная,
В страшный путь сама иду:
Ты падешь, страна родная;
Я в чужбине гроб найду...»
И слова еще звучали...
Вдруг... шумит священный лес.
И зефиры глас примчали:
«Пал великий Ахиллес!»
Машут Фурии змиями,
Боги мчатся к небесам...
И карающий громами
Грозно смотрит на Пергам.

СВЕТЛАНА

Л. Л. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.
Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
"Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песням круговой;
Вынь себе колечко.

Пой, красавица: "Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо золотое;
Мне венчаться тем венцом,
При святом налое".
"Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель".
Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе,
"Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой

Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою".
Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Темно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.
Подпершился локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:

"Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!"
Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
"Радость, свет моих очей,
Нет, для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами".
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.
Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто все вокруг,
Степь в очах Светланы:
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
"Что ты смолкнул, милый?"
Ни полслова ей в ответ:

Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.
Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
"Буди взят могилой!"
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брежит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижина под снегом.
Кони борзые быстрее,
Снег взрывая, прямо к ней

Мчатся дружным бегом.
Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и выюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.
Что ж?... В избушке гроб; накрыт
Белую запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Все утихло... выюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...
Все в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!... в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.
Смолкло все опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладелы...
Что же девица?... Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.
Встрепенулся, развернул

Легкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!... и пробудилась.
Где ж?... У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Все блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
"Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?"
Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;

Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!... в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет.
Кто?... Жених Светланы.
Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;

В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
"Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье".
О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, Создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо — Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

ПУСТЫННИК

«Веди меня, пустыни житель,
Святой анахорет;
Близка желанная обитель;
Приветный вижу свет.
Устал я: тьма кругом густая;
Запал в глуши мой след;
Безбрежной, мнится, степь пустая,
Чем дале я вперед».

«Мой сын (в ответ пустыни житель),
Ты призраком прельщен:
Опасен твой путеводитель —
Над бездной светит он.
Здесь чадам нищеты бездомным
Отверзта дверь моя,
И скудных благ уделом скромным
Делюсь от сердца я.
Войди в гостеприимну келью;
Мой сын, перед тобой
И брашно с жесткою постелью
И сладкий мой покой.
Есть стадо... но безвинных кровью
Руки я не багрил:
Меня творец своей любовью
Щадить их научил.

Обед снимаю непорочный
С пригорков и полей;
Деревья плод дают мне сочный;
Питье дает ручей.
Войди ж в мой дом — забот там чужды;
Нет блага в суете:
Нам малые даны здесь нужды;
На малый миг и те». —
Как свежая роса денницы,
Был сладок сей привет;
И робкий гость, склоня зеницы,
Идет за старцем вслед.
В дичи глухой, непроходимой
Его таился кров —
Приют для сироты гонимой,
Для странника покров.
Непышны в хижине уборы,
Там бедность и покой;
И скрыпнули дверей растворы
Пред мирною четой.
И старец зрит гостеприимный,
Что гость его уныл,
И светлый огонек он в дымной
Печурке разложил.
Плоды и зелень предлагает
С приправой добрых слов;
Беседой скуку озлащает
Медлительных часов.
Кружится резвый кот пред ними;

В углу кричит сверчок;
Трещит меж листьями сухими
Блестящий огонек.
Но молчалив пришлец угрюмый;
Печаль в его чертах;
Душа полна прискорбной думы;
И слезы на глазах.
Ему пустынный отвечает
Сердечною тоской.
«О юный странник, что смущает
Так рано твой покой?
Иль быть убогим и бездомным
Творец тебе судил?
Иль предан другом вероломным?
Или вотще любил?
Увы! спокой себя: презренны
Утехи благ земных;
А тот, кто плачет, их лишенный,
Еще презренней их.
Приманчив дружбы взор лукавый:
Но ах! как тень, вослед
Она за счастьем, за славой,
И прочь от хилых бед.
Любовь... любовь, прелестною игрою
Отрава сладких слов,
Незрима в мире; лишь порою
Живет у голубков.
Но, друг, ты робостью стыдливой
Свой нежный пол открыл».

И очи странник торопливый,
Краснея, опустил.
Краса сквозь легкий проникает
Стыдливости покров;
Так утро тихое сияет
Сквозь завес облаков.
Трепещут перси; взор склоненный;
Как роза, цвет ланит...
И деву-прелесть изумленный
Отшельник в госте зрит.
«Простишь ли, старец, дерзновенье,
Что робкою стопой
Вошла в твое уединенье,
Где бог один с тобой?
Любовь надежд моих губитель,
Моих виновник бед;
Ищу покоя, но мучитель
Тоска за мною вслед.
Отец мой знатностию, славой
И пышностью гремел;
Я дней его была забавой;
Он все во мне имел.
И рыцари стеклись толпою:
Мне предлагали в дар
Те чистый, сходный с их душою,
А те притворный жар.
И каждый лестью вероломной
Привлечь меня мечтал...
Но в их толпе Эдвин был скромный;

Эдвин, любя, молчал.
Ему с смиренной нищетою
Судьба одно дала:
Пленять высокою душою;
И та моей была.
Роса на розе, цвет душистый
Фиалки полевой
Едва сравниться могут с чистой
Эдвиновой душой.
Но цвет с небесною росой
Живут единый миг:
Он одарен был их красою,
Я легкостию их.
Я гордой, хладною казалась;
Но мил он втайне был;
Увы! любя, я восхищалась,
Когда он слезы лил.
Несчастный! он не снес презренья;
В пустыню он помчал
Свою любовь, свои мученья —
И там в слезах увял.
Но я виновна; мне страданье;
Мне увядать в слезах;
Мне будь пустыня та изгнанье,
Где скрыт Эдвинов прах.
Над тихою его могилой
Конец свой встречу я —
И приношеньем тени милой
Пусть будет жизнь моя».

«Мальвина!» — старец восклицает,
И пал к ее ногам...
О чудо! их Эдвин лобзает;
Эдвин пред нею сам.
«Друг незабвенный, друг единый!
Опять, навек я твой!
Полна душа моя Мальвиной —
И здесь дышал тобой.
Забудь о прошлом; нет разлуки;
Сам бог вещает нам:
Все в жизни, радости и муки,
Отныне пополам.
Ах! будь и самый час кончины
Для двух сердец один:
Да с милой жизнью Мальвины
Угаснет и Эдвин».

АДЕЛЬСТАН

День багрянил, померкая,
Скат лесистых берегов;
Реин, в зареве сияя,
Пышен тек между холмов.
Он летучей влагой пены
Замок Аллен орошал;
Терема зубчаты стены
Он в потоке отражал.
Девы красные толпою
Из растворчатых ворот
Вышли на берег — игрою
Встретить месяца восход.
Вдруг плывет, к ладье прикован,
Белый лебедь по реке;
Спит, как будто очарован,
Юный рыцарь в челноке.
Алым парусом играет
Легкокрылый ветерок,
И ко берегу приплывает
С спящим рыцарем челнок.
Белый лебедь востепенулся,
Распустил криле свои;
Дивный плаватель проснулся —
И выходит из ладьи.

И по Рейну обратно
С очарованной ладьей
Поплыл тихо лебедь статный
И сокрылся из очей.
Рыцарь в замок Аллен входит:
Все в нем прелесть — взор и стан;
В изумленье всех приводит
Красотою Адельстан.
Меж красавицами Лора
В замке Аллене была
Видом ангельским для взора,
Для души душой мила.
Графы, герцоги толпою
К ней стеклись из дальних стран
Но умом и красотою
Всех был краше Адельстан.
Он у всех залог победы
На турнирах похищал;
Он вечерние беседы
Всех милее оживлял.
И приветны разговоры
И приятный блеск очей
Влили нежность в сердце Лоры —
Милый стал супругом ей.
Исчезает сновиденье —
Вслед за днями мчатся дни:
Их в сердечном упоенье
И не чувствуют они.
Лишь случается порою,

Что, на воды взор склонив,
Рыцарь бродит над рекою,
Одинок и молчалив.
Но при взгляде нежной Лоры
Возвращается покой;
Оживают тусклы взоры
С оживленную душой.
Невидимкой пролетает
Быстро время — наконец,
Улыбаясь, возвещает
Другу Лора: «Ты отец!»
Но безмолвно и уныло
На младенца смотрит он,
«Ах! — он мыслит, — ангел милый,
Для чего ты в свет рожден?»
И когда обряд крещенья
Патер должен был свершить,
Чтоб водою искупленья
Душу юную омыть:
Как преступник перед казнью,
Адельстан затрепетал;
Взор наполнился боязнью;
Хлад по членам пробежал.
Запинаясь, умоляет
День обряда отложить.
«Сил недуг меня лишает
С вами радость разделить!»
Солнце спряталось за гору;
Окропился луг росой;

Он зовет с собою Лору
Встретить месяц над рекой.
«Наш младенец будет с нами:
При дыханье ветерка
Тихоструйными волнами
Усыпит его река».
И пошли рука с рукою...
День на холмах догорал;
Молча, сумрачен душою,
Рыцарь сына лобызал.
Вот уж поздно; солнце село;
Отуманился поток;
Черен берег опустелый;
Холодеет ветерок.
Рыцарь все молчит, печален;
Все идет вдоль по реке;
Лоре страшно; замок Аллен
С час как скрылся вдалеке.
«Поздно, милый; уж седеет
Мгла сырая над рекой;
С вод холодный ветер веет;
И дрожит младенец мой».
«Тише, тише! Пусть седеет
Мгла сырая над рекой;
Грудь моя младенца греет;
Сладко спит младенец мой».
«Поздно, милый; поневоле
Страх в мою теснится грудь;
Месяц бледен; сыро в поле;

Долог нам до замка путь». Но молчит, как очарован,
Рыцарь, глядя на реку... Лебедь там плывет, прикован
Легкой цепью к челноку. Лебедь к берегу — и с сыном
Рыцарь сесть в челнок спешит; Лора вслед за паладином;
Обомлела и дрожит. И, осанясь, лебедь статный
Легкой цепию повлек Вдоль по Реину обратно
Очарованный челнок. Небо в Реине дрожало,
И луна из дымных туч На ладью сквозь парус алый
Проливала темный луч. И плывут они, безмолвны;
За кормой струя бежит; Тихо плещут в лодку волны;
Парус вздулся и шумит. И на берегу молчанье;
И на месяце туман; Лора в робком ожиданье;
В смутной думе Адельстан. Вот уж ночи половина:
Вдруг... младенец стал кричать. «Адельстан, отдай мне сына!» —
Возопила в страхе мать.

«Тише, тише; он с тобою.
Скоро... ах! кто даст мне сил?
Я ужасною ценою
За блаженство заплатил.
Спи, невинное творенье;
Мучит душу голос твой;
Спи, дитя; еще мгновенье,
И навек тебе покой».

Лодка к берегу — рыцарь с сыном
Выйти на берег спешит;
Лора вслед за паладином,
Пуще млеет и дрожит.
Страшен берег обнаженный;
Нет ни жила, ни древес;
Черен, дик, уединенный,
В стороне стоит утес.
И пещера под скалою —
В ней не зрело око дна;
И чернеет пред луною
Страшным мраком глубина.
Сердце Лоры замирает;
Смотрит робко на утес.
Звучно к бездне восклицает
Паладин: «Я дань принес».
В бездне звуки отразились;
Отзвон грянул вдоль реки;
Вдруг... из бездны появились
Две огромные руки.
К ним приблизил рыцарь сына...

Цепенеющая мать,
Возопив, у паладина
Жертву бросилась отнять
И воскликнула: «Спаситель!...»
Глас достигнул к небесам:
Жив младенец, а губитель
Ниспровергнут в бездну сам.
Страшно, страшно застонало
В грозных сжавшихся когтях.
Вдруг все пусто, тихо стало
В глубине и на скалах.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ

На Посидонов пир веселый,
Куда стекались чада Гелы²
Зреть бег коней и бой певцов,
Шел Ивик, скромный друг богов.
Ему с крылатою мечтою
Послал дар песней Аполлон:
И с лирой, с легкою клюкою,
Шел, вдохновенный, к Истму он.
Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринф и горы,
Слиянны с синевой небес.
Он входит в Посидонов лес...
Все тихо: лист не колыхнется;
Лишь журавлей по вышине
Шумящая станица вьется
В страны полуденны к весне.
«О спутники, ваш рой крылатый,
Досель мой верный провожатый,
Будь добрым знамением мне.
Сказав: прости! родной стране,

² Под словом Посидонов пир понимаются здесь игры Истмийские, которые отправляемы были на перешейке (Истме) Коринфском, в честь Посидона (Нептуна). Победители получали сосновые венцы. Гел, Элла, Эллада — имена древней Греции. (Примеч. В. А. Жуковского.)

Чужого берега посетитель,
Ищу приюта, как и вы;
Да отвратит Зевес-хранитель
Беду от странничьей главы».
И с твердой верою в Зевеса
Он в глубину вступает леса;
Идет заглохшею тропой...
И зрит убийц перед собой.
Готов сразиться он с врагами;
Но час судьбы его приспел:
Знакомый с лирными струнами,
Напрячь он лука не умел.
К богам и к людям он взывает...
Лишь эхо стоны повторяет —
В ужасном лесе жизни нет.
«И так погибну в цвете лет,
Истлею здесь без погребенья
И не оплакан от друзей;
И сим врагам не будет мщенья,
Ни от богов, ни от людей».
И он боролся уж с кончиной...
Вдруг... шум от стаи журавлиной;
Он слышит (взор уже угас)
Их жалобно-стениящий глас.
«Вы, журавли под небесами,
Я вас в свидетели зову!
Да грянет, привлеченный вами,
Зевесов гром на их главу».
И труп узрели обнаженный:

Рукой убийцы искаженны
Черты прекрасного лица.
Коринфский друг узнал певца.
«И ты ль недвижим предо мною?
И на главу твою, певец,
Я мнил торжественной рукою
Сосновый положить венец».
И внемлют гости Посидона,
Что пал наперсник Аполлона...
Вся Греция поражена;
Для всех сердец печаль одна.
И с диким ревом иступленья
Пританов окружил народ,
И вопит: «Старцы, мщенья, мщенья!
Злодеям казнь, их стигни род!»
Но где их след? Кому приметно
Лицо врага в толпе несметной
Притекших в Посидонов храм?
Они ругаются богам.
И кто ж — разбойник ли презренный
Иль тайный враг удар нанес?
Лишь Гелиос то зрел священный,³
Все озаряющий с небес.
С подъятой, может быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодей сокрыт в сей самый час
И хладно внемлет скорби глас;
Иль в капище, склонив колени,

³ Гелиос — имя солнца у греков. (Примеч. В. А. Жуковского.)

Жжет ладан гнусною рукой;
Или теснится на ступени
Амфитеатра за толпой,
Где, устремив на сцену взоры
(Чуть могут их сдержать подпоры),
Пришед из ближних, дальних стран,
Шумя, как смутный океан,
Над рядом ряд, сидят народы;
И движутся, как в бурю лес,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небес.
И кто сочтет разноплеменных,
Сим торжеством соединенных?
Пришли отсюда: от Афин,
От древней Спарты, от Микин,
С пределов Азии далекой,
С Эгейских вод, с Фракийских гор...
И сели в тишине глубокой,
И тихо выступает хор.⁴
По древнему обряду, важно,
Походкой мерной и протяжной,
Священным страхом окружен,
Обходит вокруг театра он.
Не шествуют так персти чада;
Не здесь их колыбель была.
Их стака дивная громада

⁴ Хор Эвменид (Эринний, Фурий). Сии богини, дочери Нощи и Ахерона, открывали тайные преступления, преследовали виновных и мстили им на земле и в аде. (Примеч. В. А. Жуковского.)

Предел земного перешла.
Идут с поникшими главами
И движут тощими руками
Свечи, от коих темный свет;
И в их ланитах крови нет;
Их мертвы лица, очи впалы;
И свитые меж их власов
Эхидпы движут с свистом жалы,
Являя страшный ряд зубов.
И стали вокруг, сверкая взором;
И гимн запели диким хором,
В сердца вонзающий боязнь;
И в нем преступник слышит: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринний страшный хор гремит;
И, цепенея, внемлет зритель;
И лира, онемев, молчит:
«Блажен, кто незнаком с виною,
Кто чист младенчески душою!
Мы не дерзнем ему вослед;
Ему чужда дорога бед...
Но вам, убийцы, горе, горе!
Как тень, за вами всюду мы,
С грозой мщения во взоре,
Ужасные созданья тьмы.
Не мнится скрыться — мы с крылами;
Вы в лес, вы в бездну — мы за вами;
растерзанных бросаем в прах.
Вам покаянье не защита;

Ваш стон, ваш плач — веселье нам;
Терзать вас будем до Коцита,
Но не покинем вас и там».
И песнь ужасных замолчала;
И над внимавшими лежала,
Богинь присутствием полна,
Как над могилой, тишина.
И тихой, мерною стопою
Они обратно потекли,
Склонив главы, рука с рукою,
И скрылись медленно вдали.
И зритель — зыблемый сомнением
Меж истиной и заблуждением —
Со страхом мнит о Силе той,
Которая, во мгле густой
Скрываясь, неизбежима,
Вьет нити роковых сетей,
Во глубине лишь сердца зрима,
Но скрыта от дневных лучей.
И все, и все еще в молчанье...
Вдруг на ступенях восклицанье:
«Парфений, слышишь?.. Крик вдали —
То Ивиковы журавли!..»
И небо вдруг покрылось тьмою;
И воздух весь от крыл шумит;
И видят... черной полосою
Станица журавлей летит.
«Что? Ивик!...» Все поколебалось —
И имя Ивика помчалось

Из уст в уста... шумит народ,
Как бурная пучина вод.
«Наш добрый Ивик! наш сраженный
Врагом неизвестным поэт!...
Что, что в сем слове сокровенно?
И что сих журавлей полет?»
И всем сердцам в одно мгновенье,
Как будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «Убийца тут;
То Эвменид ужасных суд;
Отмщение за певца готово;
Себе преступник изменил.
К суду и тот, кто молвил слово,
И тот, кем он внимаем был!»
И бледен, трепетен, смятенный,
Незапной речью обличенный,
Исторгнут из толпы злодей:
Перед седалище судей
Он привлечен с своим клеветом;
Смущенный вид, склоненный взор
И тщетный плач был их ответом;
И смерть была им приговор.

ВАРВИК

Никто не зрел, как ночью бросил в волны
Эдвига злой Варвик;
И слышали одни брега безмолвны
Младенца жалкий крик.
От подданных погибшего губитель
Владыкой признан был —
И в Ирлингфор уже как повелитель
Торжественно вступил.
Стоял среди цветущия равнины
Старинный Ирлингфор,
И пышные с высот его картины
Повсюду видел взор.
Авон, шумя под древними стенами,
Их пеной орошал,
И низкий брег с лесистыми холмами
В струях его дрожал.
Там пламенел брегов на тихом склоне
Закат сквозь редкий лес;
И трепетал во дремлющем Авоне
С звездами свод небес.
Вдали, вблизи рассыпанные села
Дымились по утрам;
От резвых стад равнина вся шумела,
И вторил лес рогам.

Спешил, с пути прохожий совратясь,
На Ирлингфор взглянуть,
И, красотой картин его пленяся,
Он забывал свой путь.
Один Варвик был чужд красам природы:
Вотще в его глазах
Цветут леса, вися блещут воды,
И радость на лугах.
И устремить, трепещущий, не смеет
Он взора на Авон:
Оттоль зефир во слух убийцы веет
Эдвинов жалкий стон.
И в тишине безмолвной полуночи
Все тот же слышен крик,
И чудятся блистающие очи
И бледный, страшный лик.
Вотще Варвик с родных берегов уходит —
Приюта в мире нет:
Страшилищем ужасным совесть бродит
Везде за ним вослед.
И он пришел опять в свою обитель:
А сладостный покой,
И бедности веселый посетитель,
В дому его чужой.
Часы стоят, окованы тоскою;
А месяцы бегут...
Бегут — и день убийства за собою
Невидимо несут.
Он наступил; со страхом провожает

Варвик ночную тень:
Дрожи! (ему глас совести вещает)
Эдвинов смертный день.
Ужасный день: от молний небо блещет;
Отвсюду вихрей стон;
Дождь ливня льет; волнами с воем плещет
Разлившийся Авон.
Вотще Варвик, среди веселий шума,
Цедит в бокал вино:
С ним за столом садится рядом Дума, —
Питье отравлено.
Тоскующий и грозный призрак бродит
В толпе его гостей;
Везде пред ним: с лица его не сводит
Пронзительных очей.
И день угас, Варвик спешит на ложе...
Но и в тиши ночной,
И на одре уединенном то же;
Там сон, а не покой.
И мнит он зреть пришельца из могилы,
Тень брата пред собой;
В чертах болезнь, лик бледный, взор унылый
И голос гробовой.
Таков он был, когда встречал кончину;
И тот же слышен глас,
Каким молил он быть отцом Эдвину
Варвика в смертный час:
«Варвик, Варвик, свершил ли данно слово?
Исполнен ли обет?»

Варвик, Варвик, возмездие готово;

Готов ли твой ответ?»

Воспрянул он — глас смолкнул — разъяренно

Один во мгле ночной

Ревел Авон, — но для души смятенной

Был сладок бури вой.

Но вдруг — и въявь среди шума и волненья

Раздался смутный крик:

«Спеши, Варвик, спастись от потопления,

Беги, беги, Варвик!»

И к берегу он мчится — под стеною

Уже Авон кипит;

Глухая ночь; одето небо мглою;

И месяц в тучах скрыт.

И молит он с поднятыми руками:

«Спаси, спаси, творец!»

И вдруг — мелькнул челнок между волнами;

И в челноке пловец.

Варвик зовет, Варвик манит рукою —

Не внемля шума волн,

Пловец сидит спокойно над кормою

И правит к берегу челн.

И с трепетом Варвик в челнок садится —

Стрелой помчался он...

Молчит пловец... молчит Варвик... вот, мнится,

Им слышен тяжкий стон.

На спутника оставил кормщик очи:

«Не слышался ли крик?» —

«Нет; просвистал в твой парус ветер ночи, —

Смутясь, сказал Варвик. —
Правь, кормщик, правь, не скоро челн
домчится,
Гроза со всех сторон».
Умолкнули... плывут... вот снова, мнится,
Им слышен тяжкий стон.
«Младенца крик! Он борется с волною;
На помощь он зовет!» —
«Правь, кормщик, правь, река покрыта мглою,
Кто там его найдет?»
«Варвик, Варвик, час смертный зреть ужасно;
Ужасно умирать;
Варвик, Варвик, младенцу ли напрасно
Тебя на помощь звать?
Во мгле ночной он бьется меж водами;
Облит он хладом волн;
Еще его не видим мы очами;
Но он... наш видит челн!»
И снова крик слабеющий, дрожащий,
И близко челнока...
Вдруг в высоте рог месяца блестящий
Прорезал облака;
И с яркими слилася лучами,
Как дым прозрачный, мгла,
Зрят на скале дитя между волнами;
И тонет уж скала.
Пловец гребет; челнок летит стрелою;
В смятении Варвик;
И озарен младенца лик луною;

И страшно бледен лик.
Варвик дрожит — и руку, страха полный,
К младенцу протянул —
И со скалы спрыгнув младенец в волны
К его руке прильнул.
И вмиг... дитя, челнок, пловец незримы;
В руках его мертвец:
Эдвинов труп, холодный, недвижимый,
Тяжелый, как свинец.
Утихло все — и небеса и волны:
Исчез в водах Варвик;
Лишь слышали одни берега безмолвны
Убийцы страшный крик.

БАЛЛАДА, В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ, КАК ОДНА СТАРУШКА ЕХАЛА НА ЧЕРНОМ КОНЕ ВДВОЕМ И КТО СИДЕЛ ВПЕРЕДИ

На кровле ворон дико прокричал —
Старушка слышит и бледнеет.
Понятно ей, что ворон тот сказал:
Слегла в постель, дрожит, хладеет.
И вопит скорбно: «Где мой сын-чернец?
Ему сказать мне слово дайте;
Увы! я гибну; близок мой конец;
Скорей, скорей! не опоздайте!»
И к матери идет чернец святой:
Ее услышать покаянье;
И тайные дары несет с собой,
Чтоб утолить ее страданье.
По лишь пришел к одру с дарами он,
Старушка в трепете завыла;
Как смерти крик ее протяжный стон...
«Не приближайся! — возопила. —
Не подноси ко мне святых даров;
Уже не в пользу покаянье...»

Был страшен вид ее седых волос
И страшно груди колыханье.
Дары святые сын отнес назад
И к страждущей приходит снова;
Кругом бродил ее потухший взгляд;
Язык искал, немея, слова.
«Вся жизнь моя в грехах погребена,
Меня отвергнул искупитель;
Твоя ж душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.
Здесь вместо дня была мне ночи мгла;
Я кровь младенцев проливала,
Власы невест в огне волшебном жгла
И кости мертвых похищала.
И казнь лукавый обольститель мой
Уж мне готовит в адской злобе;
И я, смутив чужих гробов покой,
В своем не успокоюсь гробе.
Ах! не забудь моих последних слов:
Мой труп, обвитый пеленою,
Мой гроб, мой черный гробовой покров
Ты окропи святой водою.
Чтоб из свинца мой крепкий гроб был слит,
Семью окован обручами,
Во храм внесен, пред алтарем прибит
К помосту крепкими цепями.
И цепи окропи святой водой;
Чтобы священники собором
И день и ночь стояли надо мной

И пели панихиду хором;
Чтоб пятьдесят на крылосах дьячков
За ними в черных рясах пели;
Чтоб день и ночь свечи у образов
Из воску ярого горели;
Чтобы звучней во все колокола
С молитвой день и ночь звонили;
Чтоб заперта во храме дверь была;
Чтоб дьяконы пред ней кадили;
Чтоб крепок был запор церковных врат;
Чтобы с полуночного бденья
Он ни на миг с растворов не был спят
До солнечного восхожденья.
С обрядом тем молитесь три дня,
Три ночи сряду надо мною:
Чтоб не достиг губитель до меня,
Чтоб прах мой принят был землею».
И глас ее быть слышен перестал;
Померкши очи закатились;
Последний вздох в груди затрепетал;
Уста, охолодев, раскрылись.
И хладный труп, и саван гробовой,
И гроб под черной пеленою
Священники с приличною мольбой
Опрыскали святой водою.
Семь обручей на гроб положены;
Три цепи тяжкими винтами
Вонзились в гроб и с ним утверждены
В помост пред царскими дверями.

И вспырынуты они святой водой;
И все священники в собрание:
Чтоб день и ночь душе на упокой
Свершать во храме поминание.
Поют дьячки все в черных стихарях
Медлительными голосами;
Горят свечи надгробны в их руках,
Горят свечи пред образами.
Протяжный глас, и бледный лик певцов,
Печальный, страшный сумрак храма,
И тихий гроб, и длинный ряд попов
В тумане зыбком фимиама,
И горестный чернец пред алтарем,
Творящий до земли поклоны,
И в высоте дрожащим свеч огнем
Чуть озаренные иконы...
Ужасный вид! колокола звонят;
Уж час полуночного бденья...
И заперлись затворы тяжких врат
Перед начатием моления.
И в нерву ночь от свеч веселый блеск.
И вдруг... к полночи за вратами
Ужасный вой, ужасный шум и треск;
И слышалось: гремят цепями.
Железных врат запор, стуча, дрожит;
Звонят на колокольне звонче;
Молитву клир усерднее творит,
И пение поющих громче.
Гудят колокола, дьячки поют,

Попы молитвы вслух читают,
Чернец в слезах, в кадилах ладан жгут,
И свечи яркие пылают.
Запел петух... и, смолкнувши, бегут
Враги, не совершив ловитвы;
Смелей дьячки на крылосах поют,
Смелей попы творят молитвы.
В другую ночь от свеч темнее свет,
И слабо теплятся кадилы,
И гробовой у всех на лицах цвет,
Как будто встали из могилы.
И снова рев, и шум, и треск у врат;
Грызут замок, в затворы рвутся;
Как будто вихрь, как будто шумный град,
Как будто воды с гор несутся.
Пред алтарем чернец на землю пал,
Священники творят поклоны,
И дым от свеч туманных побежал,
И потемнели все иконы.
Сильнее стук — звучней колокола,
И трепетней поющих голос:
В крови их хлад, объемлет очи мгла,
Дрожат колена, дыбом волос.
Запел петух... и прочь враги бегут,
Опять не совершив ловитвы;
Смелей дьячки на крылосах поют,
Попы смелей творят молитвы.
На третью ночь свечи едва горят;
И дым густой, и запах серный;

Как ряд теней, попы во мгле стоят;
Чуть виден гроб во мраке черный.
И стук у врат: как будто океан
Под бурю ревет и воет,
Как будто степь песчаную оркан
Свистящими крылами роет.
И звонари от страха чуть звонят,
И руки им служить не вольны;
Час от часу страшнее гром у врат,
И звон слабее колокольный.
Дрожа, упал чернец пред алтарем;
Молиться силы нет; во прахе
Лежит, к земле прикинувши лицом;
Поднять глаза не смеет в страхе.
И певчих хор, досель согласный, стал
Нестройным криком от смятенья:
Им чудилось, что церковь зашатал
Как бы удар землетрясения.
Вдруг затускнел огонь во всех свечах,
Погасли все и закурились;
И замер глас у певчих на устах,
Все трепетали, все крестились.
И раздалось... как будто оный глас,
Который грянет над гробами;
И храма дверь со стуком затряслась
И на пол рухнула с петлями.
И он предстал весь в пламени очам,
Свирепый, мрачный, разъяренный;
И вокруг него огромный божий храм

Казался печью раскаленной!
Едва сказал: «Исчезните!» цепям —
Они рассыпались золою;
Едва рукой коснулся обручам —
Они истлели под рукою.
И вскрылся гроб. Он к телу вопиет:
«Восстань, иди вослед владыке!»
И проступал от слов сих хладный пот
На мертвом, неподвижном лице.
И тихо труп со стоном тяжким встал,
Покорен страшному призыванью;
И никогда здесь смертный не слышал
Подобного тому стенанью.
И ко вратам пошла она с врагом...
Там зрелся конь чернее ночи.
Храпит и ржет и пышет он огнем,
И как пожар пылают очи.
И на коня с добычей прынул враг;
И труп завыл; и быстротечно
Конь полетел, взвивая дым и прах;
И слух об ней пропал навечно.
Никто не зрел, как с нею мчался он...
Лишь страшный след нашли на прахе;
Лишь внемя крик, всю ночь сквозь тяжкий сон
Младенцы вздрагивали в страхе.

АЛИНА И АЛЬСИМ

Зачем, зачем вы разорвали
Союз сердец?
Вам розно быть! вы им сказали, —
Всему конец.
Что пользы в платье золотое
Себя рядить?
Богатство на земле прямое
Одно: любить.
Когда случится, жизни в цвете,
Сказать душой
Ему: ты будь моя на свете;
А ей: ты мой;
И вдруг придется для другого
Любовь забыть —
Что жребия страшней такого?
И лъзя ли жить?
Алина матери призналась:
«Мне мил Альсим;
Давно я втайне поменялась
Душою с ним;
Давно люблю ему сказала;
Дай счастье нам». —
«Нет, дочь моя, за генерала
Тебя отдам».

И в монастырь святой Ирины
Отвозит дочь.

Тоска-печаль в душе Алины
И день и ночь.

Три года длилось изгнание;
Не усладил
Ни разу друг ее страданье:
Но все он мил.

Однажды... о! как свет коварен!

Сказала мать:

«Любовник твой неблагодарен»,

И ей читать

Она дает письмо Альсима.

Его черты:

Прости; другая мной любима;

Свободна ты.

Готово все: жених приходит;

Идут во храм;

Вокруг наля их обводит

Священник там.

Увы! Алина, что с тобою?

Кто твой супруг?

Ты сердца не дала с рукою —

В нем прежний друг.

Как смиренный агнец на закланье,

Вся убрана;

Вокруг веселье, ликованье —

Она грустна.

Алмазы, платья, ожерелья

Ей мать дарит:
Напрасно... прежнего веселья
Не возвратит.
Но как же дни свои смиренно
Ведет она!
Вся жизнь семье уединенной
Посвящена.
Алины сердце покорилось
Судьбе своей;
Супругу ж то, что сохранилось
От сердца ей.
Но все по-прежнему печали
Душа полна;
И что бы взоры ни встречали, —
Все мысль одна.
Так, безутешная, томила
Пять лет себя,
Все упрекая, что любила,
И все любя.
Разлуки жизнь воспоминанье;
Им полон свет;
Хотеть прогнать его — страданье,
А пользы нет.
Все поневоле улетаем
К мечте своей;
Твердя: забудь! напоминаем
Душе об ней.
Однажды, приуныв, Алина
Сидела; вдруг

Купца к ней вводит армянина

Ее супруг.

«Вот цепи, дорогие шали,

Жемчуг, коралл;

Они лекарство от печали:

Я так слышал.

На что нам деньги? На веселье.

Кому их жаль?

Купи, что хочешь: ожерелье,

Цепочку, шаль

Или жемчуг у армянина;

Вот кошелек;

Я скоро возвращусь, Алина;

Прости, дружок».

Товары перед ней открывши,

Купец молчит;

Алина, голову склонивши,

Как не глядит.

Он, взор потупя, разбирает

Жемчуг, алмаз;

Подносит молча; но вздыхает

Он каждый раз.

Блистала красота младая

В его чертах;

Но бледен; борода густая;

Печаль в глазах.

Мила для взора живость цвета,

Знак юных дней;

Но бледный цвет, тоски примета,

Еще милей.

Она не видит, не внимает —

Мысль далеко.

Но часто, часто он вздыхает,

И глубоко.

Что (мыслит) он такой унылый?

Чем огорчен?

Ах! если потерял, что мило,

Как жалок он!

«Скажи, что сделалось с тобою?

О чем печаль?

Не от любви ль?.. Ах! Всей душою

Тебя мне жаль». —

«Что пользы! Горя нам словами

Не утолить;

И невозвратного слезами

Не возвратить.

Одно сокровище бесценно

Я в мире знал;

Подобного творец вселенной

Не создавал.

И я одно имел в предмете:

Им обладать.

За то бы рад был все на свете —

И жизнь отдать.

Как было сладко любоваться

Им в день сто раз!

И в мыслях я не мог расстаться

С ним ни на час.

Но року вздумалось лихому
Мне повредить
И счастье мое другому
С ним подарить.
Всех в жизни радостей лишенный,
С моей тоской
Я побежал, как осужденный,
На край земной:
Но ах! от сердца то, что мило,
Кто оторвет?
Что раз оно здесь полюбило,
С тем и умрет».
«Скажи же, что твоя утрата?
Златой бокал?» —
«О нет: оно милее злата». —
«Рубин, коралл?» —
«Не тяжко потерять их». — «Что же?
Царев алмаз?» —
«Нет, нет, алмазов всех дороже
Оно сто раз.
С тех пор, как я все то, что льстило,
В нем погубил,
Я сам на память образ милый
Изобразил.
И на черты его прелестны
Смотрю в слезах:
Мои все блага поднебесны
В его чертах».
Алина слушала уныло

Его рассказ.

«Могу ль на этот образ милый

Взглянуть хоть раз?»

Алине молча, как убитый,

Он подает

Парчою досканец обвитый,

Сам слезы льет.

Алина робкою рукою

Парчу сняла;

Дощечка с надписью златою;

Она прочла:

Здесь все, что я, осиротелый,

Моим зову;

Что мне от счастья уцелело;

Все, чем живу.

Дощечку с трепетом раскрыла —

И что же там?

Что новое судьба явила

Ее очам?

Дрожит, дыханье прекратилось...

Какой предмет!

И в ком бы сердце не смутилось?..

Ее портрет.

«Алина, пробудись, друг милый;

С тобою я.

Ничто души не изменило;

Она твоя.

В последний раз: люблю Алину,

Пришел сказать;

Тебя покинув, жизнь покину,
Чтоб не страдать».

Алина с горем и тоскою

Ему в ответ:

«Альсим, я верной быть женою

Дала обет.

Хоть долг и тяжкий и постылый:

Все покорись;

А ты — не умирай, друг милый;

Но... удались».

Алине руку на прощанье

Он подает:

Она берет ее в молчанье

И к сердцу жмет.

Вдруг входит муж; как в исступленье

Он задрожал

И им во грудь в одно мгновенье

Вонзил кинжал.

Альсима нет; Алина дышит:

«Невинна я

(Так говорит), всевышний слышит

Нас судия.

За что ж рука твоя пронзила

Алине грудь?

Но бог с тобой; я все простила;

Ты все забудь».

Убийца с той поры томится

И ночь и день:

Повсюду вслед за ним влачится

Алины тень;
Обагрена кровавым током
Вся грудь ея;
И говорит ему с упреком:
«Невинна я».

ЭЛЬВИНА И ЭДВИН

В излучине долины сокровенной,
Там, где блестит под рощею поток,
Стояла хижина, смиренный
Покоя уголок.

Эльвина там красавица таилась, —
В ней зрела мать подпору дряхлых дней,
И только об одном молилась:
«Все блага жизни ей».

Как лилия, была чиста душою,
И пламенел румянец на щеках —
Так разливается весною
Денница в облаках.

Всех юношей Эльвина восхищала;
Для всех подруг красой была страшна,
И, чудо прелестей, не знала
Об них одна она.

Пришел Эдвин. Без всякого искусства
Эдвинова пленяла красота:

В очах веселых пламень чувства,
А в сердце простота.

И заключен святой союз сердцами:
Душе легко в родной душе читать;
Легко, что сказано очами,
Устами досказать.

О! сладко жить, когда душа в покое
И с тем, кто мил, начав, кончаешь день;
Вдвоем и радости все вдвое...
Но ах! они как тень.
Лишь золото любил отец Эдвина;
Для жалости он сердца не имел;
Эльвине же дала судьбина
Одну красу в удел.
С холодностью смотрел старик суровый
На их любовь — на счастье двух сердец.
«Расстаньтесь!» — роковое слово
Сказал он, наконец.
Увы, Эдвин! В какой борьбе в нем страсти!
И ни одной нет силы победить...
Как не признать отцовской власти?
Но как же не любить?
Прелестный вид, пленительные речи,
Восторг любви — все было только сон;
Он розно с ней; он с ней и встречи
Бояться осужден.
Лишь по утрам, чтоб видеть след Эльвины,
Он из кустов смотрел, когда она
Шла по излучине долины,
Печальна и одна;
Или, когда являя месяц роги
Туманный свет на рощи наводил,
Он, грустен, вдоль большой дороги
До полночи бродил.
Задумчивый, он часто по кладбищу

При склоне дня ходил среди крестов:
Его тоске давало пищу
Спокойствие гробов.
Знать, гроб ему предчувствие сулило!
Уже ланит румяный цвет пропал;
Их горе бледностью покрыло...
Несчастный увядал.
И не спасут его молодые леты;
Вотще в слезах над ним его отец;
Вотще и вопли и обеты!..
Всему, всему конец.
И молит он: «Друзья, из сожаленья!..
Хотя бы раз мне на нее взглянуть!..
Ах! дайте, дайте от мученья
При ней мне отдохнуть».
Она пришла; но взор любви всесильный
Уже тебя, Эдвин, не воскресит:
Уже готов покров могильный,
И гроб уже открыт.
Смотри, смотри, несчастная Эльвина,
Как изменил его последний час:
Ни тени прежнего Эдвина;
Лик бледный, слабый глас.
В знак верности он подает ей руку
И на нее взор томный устремил:
Как сильно вечную разлуку
Сей взор изобразил!
И в тьме ночной, покинувши Эдвина,
Домой одна вблизи кладбища шла,

Души не чувствуя, Эльвина;
Кругом густела мгла.
От севера подьемаясь, ветер хладный
Качал, свистя во мраке, дерева;
И выла на стене оградной
Полночная сова.
И вся душа в Эльвине замирала;
И взор ее во всем его встречал;
Казалось — тень его летала;
Казалось — он стонал.
Но... вот и въявь уж слышится Эльвине:
Вдали провыл уныло тяжкий звон;
Как смерти голос, по долине
Промчавшись, стихнул он.
И к матери без памяти вбежала —
Бледна, и свет в очах ее темнел.
«Прости, все кончилось! (сказала) —
Мой ангел улетел!
Благослови... зовут... иду к Эдвину...
Но для тебя мне жаль покинуть свет».
Умолкла... мать зовет Эльвину...
Эльвины больше нет.

АХИЛЛ⁵

Отуманилася Ида;
Омрачился Илион;
Спит во мраке стан Атрида;
На равнине битвы сон.
Тихо все... курясь, сверкает
Пламень гаснущих костров,
И протяжно окликает
Стражу стража близ шатров.
Над Эгейских вод равниной
Светел всходит рог луны;
Звезды спящую пучиной
И берега отражены;
Виден в поле опустелом
С колесницею Приам⁶:

⁵ Ахиллу дано было на выбор: или жить долго без славы, или умереть в молодости со славою, — он избрал последнее и полетел к стенам Илиона. Он знал, что конец его вскоре последует за смертью Гектора, — и умертвил Гектора, мстя за Патрокла. Сия мысль о близкой смерти следовала за ним повсюду, и в шумный бой и в уединенный шатер; везде он помнил об ней; наконец он слышал и пророческий голос коней своих, возвестивший ему погибель. (Примеч. В. А. Жуковского.)

⁶ Приам приходил один ночью в греческий стан молить Ахилла о возвращении Гекторова тела. Мольбы сего старца тронули Душу грозного героя: он возвратил Приаму обезображенный труп его сына, и старец невредимо возвратился в Трою. (Примеч. В. А. Жуковского.)

Он за Гекторовым телом
От шатров идет к стенам.
И на бреге близ кургана
Зрится сумрачный Ахилл;
Он один, далек от стана;
Он главу на длань склонил.
Смотрит вдаль — там с колесницей
На пути Приама зрит:
Оттирает багрянницей
Слезы бедный царь с ланит.
Лиру взял; ударил в струны;
Тих его печальный глас:
«Старец, пал твой Гектор юный;
Свет души твоей угас;
И Гекуба, Андромаха
Ждут тебя у градских врат
С ношей милого им праха...
Жизнь и смерть им твой возврат.
И с денницею печальной
Воскурится фимиам,
Огласятся погребальной
Песнью каждый дом и храм;
Мать, отец, вдова с мольбою
Пепел в урну соберут,
И молитвы их герою
Мир в стране теней дадут.
О, Приам, ты пред Ахиллом
Здесь во прах главу склонял;
Здесь молил о сыне милком,

Здесь, несчастный, ты лобзал
Руку, слез твоих причину...
Ах! не сетуй; глас небес
Нам одну изрек судьбину:
И меня постиг Зевес.
Близок час мой; роковая
Приготовлена стрела;
Парка, жребию внимая,
Дни мои уж отвила;
И скрипят врата Аида⁷;
И вещает грозный глас:
Все свершилось для Пелида;
Факел дней его угас.
Верный друг мой взят могилой;
Брата бой меня лишил —
Вслед за ним с земли унылой
Удалится и Ахилл.
Так судил мне рок жестокий;
Я паду в весне моей
На чужом берегу, далеко
От Пелеевых очей.
Ах! и сердце запрещает
Доле жить в земном краю,
Где уж друг не услаждает
Душу сирую мою.
Гектор пал — его паденьем
Тень Патрокла я смирил;

⁷ Аидом назывался у греков ад; Плутон был проименован Айдонеем. (Примеч. В. А. Жуковского.)

Но себе за друга мщеньем
Путь к Тенару проложил.
Ты не жди, Менетий, сына⁸;
Не придет он в отчий дом...
Здесь Эгейская пучина
Пред его шумит холмом;
Спит он... смерть сковала длани,
Позабыл ко славе путь;
И призывный голос брани
Не вздымает хладну грудь.
И Ахилл не возвратится;
В доме отчем пустота
Скоро, скоро водворится...
О, Пелей, ты сирота.
Пронесется буря брани —
Ты Ахилла будешь ждать
И чертог свой в новы ткани
Для приема убирать;
Будешь с берега уныло
Ты смотреть — в пустой дали
Не белеет ли ветрило,
Не плывут ли корабли?
Корабли придут от Трои —
А меня ни на одном;
Там, где билися герои,
Буду спать — и вечным сном.
Тщетно, смертною борьбою
Мучим, будешь сына звать

⁸ Менетий — отец Патрокла. (Примеч. В. А. Жуковского.)

И хладеющей рукою
Вкруг себя его искать —
С милым светом разлученья
Глас его не усладит;
И на брег воды забвенья
Зов отца не долетит.
Край отчизны, светлы воды,
Очарованны места,
Мирт, олив и лавров своды,
Пышных долов красота,
Расцветайте, убирайтесь,
Как и прежде, красотой;
Как и прежде, оглашайтесь,
Кликом радости одной;
Но Патрокла и Ахилла
Никогда вам не видать!
Воды Сперхия, сулила
Вам рука моя отдать
Волоса с моей от брани
Уцелевшей головы...
Все Патроклу в дар, и дани
Уж моей не ждите вы.
Кони быстрые, из боя
(Тайный рок вас удержал)
Вы не вынесли героя —
И на щит он мертвый пал;
Кони бодрые, ретивы,
Что ж теперь так мрачны вы?
По земле влачатся гривы;

Наклонились главы;
Позабыта пища вами;
Груди мощные дрожат;
Слышу стон ваш, и слезами
Очи гордые блестят.
Знать, Ахиллов пред собою
Зрите вы последний час;
Знать, внушен был вам судьбою
Мне конец вещавший глас...
Скоро!... лук свой напрягает
Неизбежный Аполлон,
И пришельца ожидает
К Стиксу черному Харон.
И Патрокл с берегов забвенья
В полуночной тишине
Легкой тенью сновиденья
Прилетал уже ко мне.
Как зефирово дыханье,
Он провеял надо мной;
Мне послышалось призыванье,
Сладкий глас души родной;
В нежном взоре скорбь разлуки
И следы минувших слез...
Я простер ко брату руки...
Он во мгле пустой исчез.
От Скироса вдаль влекомый,
Поплывет Неоптолем⁹;

⁹ Пирр, сын Ахилла и Деидамии, прозванный Неоптолемом. В то время, когда Ахилл ратовал под стенами Илиона, он находился в Скиросе у деда своего, царя

Брег увидит незнакомый
И зеленый холм на нем;
Кормщик юноше укажет,
Полный думы, на курган —
«Вот Ахиллов гроб (он скажет);
Там вблизи был греков стан.
Там, ужасный, на ограде
Нам явился он в ночи —
Нестерпимый блеск во взгляде,
С шлема грозные лучи —
И трикраты звучным криком
На врага он грянул страх,
И троянец с бледным ликом
Бросил щит и меч во прах.
Там, Атриду дав десницу,
С ним союз запечатлел;
Там, гремящий, в колесницу
Прянув, к Трое полетел;
Там по праху за собою
Тело Гекторово мчал
И на трепетную Трои
Взглядом мщения сверкал!»
И сойдешь на брег священный
С корабля, Неоптолем,
Чтоб на холм уединенный
Положить и меч и шлем;
Вкруг уж пусто... смолкли бои;
Тихи Ксант и Симоис;

И уже на грудах Трои
Плющ и терние свились.
Обойдешь равнину брани...
Там, где ратовал Ахилл,
Уж стадаются робки лани
Вкруг оставленных могил;
И услышишь над собою
Двух невидимых полет...
Это мы... рука с рукою...
Мы, друзья минувших лет.
Вспомяни тогда Ахилла:
Быстро в мире он протек;
Здесь судьба ему сулила
Долгий, но бесславный век;
Он мгновение со славой,
Хладну жизнь презрев, избрал
И на друга труп кровавый,
До могилы верный, пал».
Он умолк... в тумане Ида;
Отуманен Илион;
Спит во мраке стан Атрида;
На равнине битвы сон;
И курясь, едва сверкает
Пламень гаснущих костров;
И протяжно окликает
Стража стражу близ шатров.

ЭОЛОВА АРФА

Владыко Морвены,
Жил в дедовском замке могучий Ордал;
Над озером стены
Зубчатые замок с холма возвышал;
Прибрежны дубравы
Склонялись к водам,
И стлался кудрявый
Кустарник по злачным окрестным холмам.
Спокойствие сеней
Дубравных там часто лай псов нарушал;
Рогатых еленей
И вепрей и ланей могучий Ордал
С отважными псами
Гонял по холмам;
И доли с холмами,
Шумя, отвечали зовущим рогам.
В жилище Ордала
Веселость из ближних и дальних краев
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пиров
Еленей рогами;
И в память отцам
Висели рядами
Их шлемы, кольчуги, щиты по стенам.

И в дружных беседах
Любил за бокалом рассказы Ордал
О древних победах
И взоры на брони отцов устремлял:
Чеканны их латы
В глубоких рубцах;
Мечи их зубчаты;
Щиты их и шлемы избиты в боях.
Младая Минвана
Красой озаряла родительский дом;
Как зыби тумана,
Зарею златимы над свежим холмом,
Так кудри густые
С главы молодой
На перси молодые,
Вияся, бежали струей золотой.
Приятней денницы
Задумчивый пламень во взорах сиял:
Сквозь темны ресницы
Он сладкое в душу смятенье вливал;
Потока журчанье —
Приятность речей;
Как роза дыханье;
Душа же прекрасней и прелестей в ней.
Гремела красою
Минвана и в ближних и в дальних краях;
В Морвену толпою
Стекалися витязи, славны в боях;
И дочерью гордился

Пред ними отец...
Но втайне делился
Душою с Минваной Арминий-певец.
Младой и прекрасный,
Как свежая роза — утеха долин,
Певец сладкогласный...
Но родом не знатный, не княжеский сын:
Минвана забыла
О сане своем
И сердцем любила,
Невинная, сердце невинное в нем.
На темные своды
Багряным щитом покатила луна;
И озера воды
Струистым сияньем покрыла она;
От замка, от сеней
Дубрав по берегам
Огромные теней
Легли великаны по гладким водам.
На холме, где чистым
Потоком источник бежал из кустов,
Под дубом ветвистым —
Свидетелем тайных свиданья часов —
Минвана младая
Сидела одна,
Певца ожидая,
И в страхе таила дыханье она.
И с арфою стройной
Ко древу к Минване приходит певец.

Все было спокойно,
Как тихая радость их юных сердец:
Прохлада и нега,
Мерцанье луны,
И ропот у берега
Дробимья с легким плесканьем волны.
И долго, безмолвны,
Певец и Минвана с унылой душой
Смотрели на волны,
Златимые тихо блестящей луной.
«Как быстрые воды
Поток свой лиют —
Так быстрые годы
Веселье младое с любовью несут».
«Что ж сердце уныло?
Пусть воды лиются, пусть годы бегут,
О, верный! о, милый!
С любовью годы и жизнь унесут». —
«Минвана, Минвана,
Я бедный певец;
Ты ж царского сана,
И предками славен твой гордый отец».
«Что в славе и сани?
Любовь — мой высокий, мой царский венец.
О, милый, Минване
Всех витязей краше смиренный певец.
Зачем же уныло
На радость глядеть?
Все близко, что мило;

Оставим годам за годами лететь».
«Минутная сладость
Веселого вместе , помедли, постой;
Кто скажет, что радость
Навек не умчится с грядущей зарей!
Проглянет денница —
Блаженству конец;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бедный певец».
«Пускай возвратится
Веселое утро, сияние дня;
Зарей озарится
Тот свет, где мой милый живет для меня.
Лишь царским убором
Я буду с толпой;
А мыслю, взором,
И сердцем, и жизнью, о милый, с тобой».
«Прости, уж бледнеет
Рассветом далекий, Минвана, восток;
Уж утренний веет
С вершины кудрявых холмов ветерок». —
«О нет! то зарница
Блестит в облаках;
Не скоро денница;
И тих ветерок на кудрявых холмах».
«Уж в замке проснулись;
Мне слышался шорох и звук голосов». —
«О нет! встрепнулись
Дремавшие пташки на ветвях кустов». —

«Заря уж багряна», —
«О милый, постой». —
«Минвана, Минвана,
Почто ж замирает так сердце тоской?»
И арфу унылый
Певец привязал под наклоном ветвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогом прекрасных минувшего дней;
И сладкие звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вестник души неизменным будь.
Когда же мой юный,
Убитый печалию, цвет опадет,
О верные струны,
В вас с прежней любовью душа перейдет.
Как прежде, взыграет
Веселие в вас,
И друг мой узнает
Привычный, зовущий к свиданию глас.
И думай, их пенью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тенью,
Все верный, летает твой друг над тобой;
Что прежние муки:
Превратности страх,
Томленье разлуки,
Все с трепетной жизнью он бросил во прах.
Что, жизнь переживши,

Любовь лишь одна не рассталась с душой;
Что робко любивший
Без робости любит и более твой.
А ты, дуб ветвистый,
Ее осеняй;
И, ветер душистый,
На грудь молодую дышать прилетай».
Умолк — и с прелестной
Задумчивых долго очей не сводил...
Как бы неизвестный
В нем голос: навеки прости! говорил.
Горячей рукою
Ей руку пожал
И, тихой стопою
От ней удаляся, как призрак пропал...
Луна воссияла...
Минвана у древа... но где же певец?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастьем конец;
Молва о свиданье
Достигла отца...
И мчит уж в изгнанье
Ладья через море молодого певца.
И поздно и рано
Под древом свиданья Минвана грустит.
Уныло с Минваной
Один лишь нагорный поток говорит;
Все пусто; день ясный
Взойдет и зайдет —

Певец сладкогласный
Минваны под древом свиданья не ждет.
Прохладою дышит
Там ветер вечерний, и в листьях шумит,
И ветви колышет,
И арфу лобзает... но арфа молчит.
Творения радость,
Настала весна —
И в свежую младость,
Красу и веселье земля убрана.
И ярким сияньем
Холмы осыпал вечеряющий день:
На землю с молчаньем
Сходила ночная, росистая тень;
Уж синие своды
Блистали в звездах;
Сровнялися воды;
И ветер улегся на спящих листьях.
Сидела уныло
Минвана у древа... душой вдалеке...
И тихо все было...
Вдруг... к пламенной что-то коснулось щеке;
И что-то шатнуло
Без ветра листья;
И что-то прильнуло
К струнам, невидимо слетев с высоты...
И вдруг... из молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звон;
И тише дыханья

Играющей в листьях прохлады был он.
В ней сердце смутилось:
То друга привет!
Свершилось, свершилось!..
Земля опустела, и милого нет.
От тяжкия муки
Минвана упала без чувства на прах,
И жалобней звуки
Над ней застенали в смятенных струнах.
Когда ж возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и над нею была тишина.
С тех пор, унывая,
Минвана, лишь вечер, ходила на холм
И, звукам внимая,
Мечтала о милом, о свете другом,
Где жизнь без разлуки,
Где все не на час —
И мнились ей звуки,
Как будто летящий от родины глас.
«О милые струны,
Играйте, играйте... мой час недалек;
Уж клонится юный
Главой недоцветшей ко праху цветок.
И странник унылый
Заутра придет
И спросит: где милый
Цветок мой?... и боле цветка не найдет».

И нет уж Минваны...
Когда от потоков, холмов и полей
Восходят туманы
И светит, как в дыме, луна без лучей,
Две видятся тени:
Слиявшись, летят
К знакомой им сени...
И дуб шевелится, и струны звучат.

МЩЕНИЕ

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.
Свершилось убийство ночью порой —
И труп поглощен был глубокой рекой.
И шпоры и латы убийца надел
И в них на коня паладинова сел.
И мост на коне проскакать он спешит:
Но конь поднялся на дыбы и храпит.
Он шпоры вонзает в крутые бока:
Конь бешеный сбросил в реку седока.
Он выплыть из всех напрягается сил:
Но панцирь тяжелый его утопил.

ГАРАЛЬД

Перед дружиной на коне
Гаральд, боец седой,
При свете полныя луны,
Въезжает в лес густой.
Отбиты вражьи знамена
И веют и шумят,
И гулом песней боевых
Кругом холмы гудят.
Но что порхает по кустам?
Что зыблется в листьях?
Что налетает с вышины
И плещется в волнах?
Что так ласкает, так манит?
Что нежною рукой
Снимает меч, с коня влечет
И тянет за собой?
... То феи в легкий хоровод
Слетелись при луне.
Спасенья нет; уж все бойцы
В волшебной стороне.
Лишь он, бесстрашный вождь Гаральд,
Один не побежден:
В нетленный с ног до головы
Булат закован он.

Пропали спутники его;
Там брошен меч, там щит,
Там ржет осиротелый конь
И дико в лес бежит.
И едет, сумрачно-уныл,
Гаральд, боец седой,
При свете полная луны
Один сквозь лес густой
Но вот шумит, журчит ручей —
Гаральд с коня спрыгнул,
И снял он шлем и влаги им
Студеной зачерпнул.
Но только жажду утолил,
Вдруг обессилел он;
На камень сел, поник головой
И погрузился в сон.
И веки на утесе том,
Главу склоня, он спит:
Седые кудри, борода;
У ног копьё и щит.
Когда ж гроза, и молний блеск,
И лес ревет густой, —
Сквозь сон хватается за меч
Гаральд, боец седой.

ТРИ ПЕСНИ

«Споет ли мне песню веселую скальд?» —
Спросил, озираясь, могучий Освальд.
И скальд выступает на царскую речь,
Под мышкою арфа, на поясе меч.
«Три песни я знаю: в одной старина!
Тобою, могучий, забыта она;
Ты сам ее в лесе дремучем сложил;
Та песня: отца моего ты убил.
Есть песня другая: ужасна она;
И мною под бурей ночной сложена;
Пою ее ранней и поздней порой;
И песня та: бейся, убийца, со мной!»
Он в сторону арфу, и меч наголо;
И бешенство грозные лица загло;
Запрыгали искры по звонким мечам —
И рухнул Освальд — голова пополам.
«Раздайся ж, последняя песня моя;
Ту песню и утром и вечером я
Греметь не устану пред девой любви;
Та песня: убийца повержен в крови».

ДВЕНАДЦАТЬ СПЯЩИХ ДЕВ

Старинная повесть в двух балладах

Опять ты здесь, мой благодатный Гений,
Воздушная подруга юных дней;
Опять с толпой знакомых привидений
Теснишься ты, Мечта, к душе моей...
Приди ж, о, друг! дай прежних вдохновений.
Минувшею мне жизньию повея,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкого вкусить воспоминанья.
Ты образы веселых лет примчала —
И много милых теней восстает;
И то, чем жизнь столь некогда пленяла,
Что Рок, отняв, назад не отдает,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась Скорбь, и Жалоба зовет
Сопутников, с пути сошедших прежде
И здесь вотще поверивших надежде.
К ним не дойдут последней песни звуки;
Рассеян круг, где первую я пел;
Не встретят их простертые к ним руки;
Прекрасный сон их жизни улетел.
Других умчал могущий Дух разлуки;
Счастливым край, их знавший, опустел;

Разбросаны по всем дорогам мира —
Не им поет задумчивая лира.
И снова в томном сердце воскресает
Стремленье в оный таинственный свет;
Давнишний глас на лире оживает,
Чуть слышимый, как Гения полет;
И душу хладную разогревает
Опять тоска по благам прежних лет:
Все близкое мне зрится отдаленным,
Отжившее, как прежде, оживленным.

Баллада первая. ГРОМОБОЙ

*Leicht aufzuritzen ist das Reich der Geister;
Sie liegen wartend unter dunner Decke
Und, leise horend, sturmen sie herauf.*

*Schiller*¹⁰

АЛЕКСАНДРЕ АНДРЕЕВНЕ
ВОЕЙКОВОЙ

Моих стихов желала ты —
Желанье исполняю;
Тебе досуг мой и мечты
И лиру посвящаю.
Вот повесть прадедовских лет.
Еще ж одно — желанье:
Цвети, мой несравненный цвет,
Сердец очарованье;
Печаль по слуху только знай;
Будь радостью света;
Моих стихов хоть не читай,
Но другом будь поэта.

¹⁰ Нам в области духов легко проникнуть; Нас ждут они, и молча стерегут, И, тихо внемя, в бурях вылетают. Шиллер. (Пер. В. А. Жуковского.)

Над пенистым Днепром-рекой,
Над страшною стремниной,
В глухую полночь Громобой
Сидел один с кручиной;
Окрест него дремучий бор;
Утесы под ногами;
Туманен вид полей и гор;
Туманы над водами;
Подернут мглою свод небес;
В ущельях ветер свищет;
Ужасно шепчет темный лес,
И волк во мраке рыщет.
Сидит с поникшей головой
И думает он думу:
«Печальный, горький жребий мой!
Клянусь судьбу угрюму;
Дала мне крест тяжелый несть;
Всем людям жизнь отрада:
Тем злато, тем покой и честь —
А мне сума награда;
Нет крова защитить главу
От бури, непогоды...
Устал я, в помощь вас зову,
Днепровски быстры воды».
Готов он прыгнуть с крутизны...
И вдруг пред ним явление:
Из темной бора глубины
Выходит привиденье,
Старик с шершавой бородой,

С блестящими глазами,
В дугу сомкнутый над клюкой,
С хвостом, когтьми, рогами.
Идет, приблизился, грозит
Клюкою Громобою...
И тот как вкопанный стоит,
Зря диво пред собою.
«Куда?» — неведомый спросил.
«В волнах скончать мученья». —
«Почто ж, бессмысленный, забыл
Во мне искать спасенья?» —
«Кто ты?» — воскликнул Громобой,
От страха цепenea.
«Заступник, друг, спаситель твой:
Ты видишь Асмодея».
«Творец небесный!» — «Удержись!
В молитве нет отрады;
Забудь о боге — мне молись;
Мои верней награды.
Прими от дружбы, Громобой,
Полезное ученье:
Постигнут ты судьбы рукой,
И жизнь тебе мученье;
Но всем бедам найти конец
Я способы имею;
К тебе нежалостлив творец, —
Прибегни к Асмодею.
Могу тебе я силу дать
И честь и много злата,

И грудью буду я стоять
За друга и за брата.
Клянусь... свидетель ада бог,
Что клятвы не нарушу;
А ты, мой друг, за то в залог
Свою отдай мне душу».
Невольно вздрогнул Громобой,
По членам хлад стремится;
Земли невзвидел под собой,
Нет сил перекреститься.
«О чем задумался, глупец?» —
«Страшусь мучений ада». —
«Но рано ль, поздно ль... наконец
Все ад твоя награда.
Тебе на свете жить — беда;
Покинуть свет — другая;
Останься здесь — поди туда, —
Везде погибель злая.
Ханжи-причудники твердят:
Лукавый бес опасен.
Не верь им — бредни; весел ад,
Лишь в сказках он ужасен.
Мы жизнь приятную ведем;
Наш ад не хуже рая;
Ты скажешь сам, ликуя в нем:
Лишь в аде жизнь прямая.
Тебе я терем пышный дам
И тьму людей на службу;
К боярам, витязям, князьям

Тебя введу я в дружбу;
Досель красавиц ты пугал —
Придут к тебе толпою;
И, словом, — вздумал, загадал,
И все перед тобою.
И вот в задаток кошелек:
В нем вечно будет золото.
Но десять лет — не боле — срок
Тебе так жить богато.
Когда ж последний день от глаз
Исчезнет за горою,
В последний полуночный час
Приду я за тобою».
Стал думу думать Громобой,
Подумал, согласился
И обольстителю душой
За золото поклонился.
Разрезав руку, написал
Он кровью обещанье;
Лукавый принял — и пропал,
Сказавши": «До свиданья!»

И вышел в люди Громобой —
Откуда что взялося!
И счастье на него рекой
С богатством полилося;
Как княжеский, разубран дом;
Подвалы полны золота;
С заморским выходы вином,

И редкостей палата;
Пиры — хоть пост, хоть мясоед;
Музыка роговая;
Для всех — чужих, своих — обед
И чаша круговая.
Возможно все в его очах,
Всему он повелитель:
И сильным бич, и слабым страх,
И хищник, и грабитель.
Двенадцать дев похитил он
Из отческой их сени;
Презрел невинных жалкий стон
И родственников пени;
И в год двенадцать дочерей
Имел от обольщенных;
И был уж чужд своих детей
И крови уз священнных.
Но чад оставленных щитом
Был ангел их хранитель:
Он дал им пристань — божий дом,
Смирения обитель.
В святых стенах монастыря
Сокрыл их с матерями:
Да славят вышнего царя
Невинных уст мольбами.
И горней благодати сень
Была над их главою;
Как вешний ароматный день,
Цвели они красою.

От ранних колыбельных лет
До юности златая
Им ведом был лишь божий свет,
Лишь подвиги благие;
От сна вставая с юным днем,
Стекались во храме;
На клиросе, пред алтарем,
Кадиланиц в фимиаме,
В священный литургии час
Их слышалось пенье —
И сладкий непорочных глас
Внимало провиденье.
И слезы нежных матерей
С молитвой их сливались,
Когда во храме близ мощей
Они распростирались.
«О! дай им кров, небесный царь
(То было их моление);
Да будет твой святой алтарь
Незлюбных душ спасенье;
Покинул их родной отец,
Дав бедным жизнь постылу;
Но призри ты сирот, творец,
И грешника помилуй...»
Но вот... настал десятый год;
Уже он на исходе;
И грешник горьки слезы льет:
Всему он чужд в природе.
Опять украшены весной

Луга, пригорки, доли;
И пахарь весел над сохой,
И счастья полны селы;
Не зрит лишь он златой весны:
Его померкли взоры;
В туман для них погребены
Луга, долины, горы.
Денница ль красная взойдет —
«Прости, — гласит, — денница».
В дубраве ль птичка пропоет —
«Прости, весны певица...
Прости, и мирные леса,
И нивы золотые,
И неба светлая краса,
И радости земные».
И вспомнил он забытых чад;
К себе их призывает;
И мнит: они творца смягчат;
Невинным бог внимает.
И вот... настал последний день;
Уж солнце за горою;
И стелется вечерня тень
Прозрачной пеленою;
Уж сумрак... смерклось... вот луна
Блеснула из-за тучи;
Легла на горы тишина;
Утих и лес дремучий;
Река сровнялась в берегах;
Зажглись светила ночи;

И сон глубокий на полях;
И близок час полночи...
И, мучим смертною тоской,
У спасовой иконы
Без веры ищет Громобой
От ада обороны.
И юных чад к себе призвал —
Сердца их близки раю —
«Увы! молитесь (вопиял),
Молитесь, погибаю!»
Младенца внятен небу стон:
Невинные молились;
Но вдруг... на них находит сон...
Замолкли... успились.
И все в ужасной тишине;
Окрестность как могила;
Вот... каркнул ворон на стене;
Вот... стая псов завыла;
И вдруг... протяжно полночь бьет;
Нашли на небо тучи;
Река надулась; бор ревет;
И мчится прах летучий.
Увы!.. последний страшный бой
Отгрянул за горами...
Гул тише... смолк... и Громобой
Зрит беса пред очами.
«Ты видел, — рек он, — день из глаз
Сокрылся за горою;
Ты слышал: бил последний час;

Пришел я за тобою». —
«О! дай, молю, хоть малый срок;
Терзаюсь, ад ужасен». —
«Свершилось! неизбежен рок,
И поздний вопль напрасен». —
«Минуту!» — «Слышишь? Цепь звучит».
«О страшный час! помилуй!» —
«И гроб готов, и саван сшит,
И роют уж могилу.
Завтра день взойдет во мгле.
Подымутся стенанья;
Увидят труп твой на столе,
Недвижный, без дыханья;
Кадил и свеч в дыму густом,
При тихом ликов пенье,
Тебя запрут в подземный дом
Навеки в заточенье;
И страшно заступ застучит
Над кровлей гробовою;
И тихо клир провозгласит:
«Усопший, мир с тобою!»
И мир не будет твой удел:
Ты адово стяжанье!
Но время... идут... час приспел.
Внимай их завыванье;
Сошлись... призывный слышу клич.
Их челюсти зияют;
Смола клокочет... свищет бич...
Оковы разжигают». —

«Спаситель-царь, вонми слезам!» —

«Напрасное моление!» —

«Увы! позволь хоть сиротам

Мне дать благословенье».

Младенцев спящих видит бес —

Сверкнули страшно очи!

«Лишить их царствия небес,

Предать их адской ночи...

Вот слава! мне восплещет ад

И с гордым Сатаной».

И, усмирив грозящий взгляд,

Сказал он Громобою:

«Я внял твоей печали глас;

Есть средство избавленья;

Покорен будь, иль в ад сей час

На скорби и мученья.

Предай мне души дочерей

За временну свободу,

И дам, по милости своей,

На каждую по году». —

«Злодей! губить невинных чад!» —

«Ты медлишь? Приступите!

Низриньте грешника во ад!

На части разорвите!»

И вдруг отсюда крик и стон;

Земля затрепетала;

И грянул гром со всех сторон;

И тьма бесов предстала.

Чудовищ адских грозный сонм;

Бегут, гремят цепями,
И стали грешника кругом
С разверзтыми когтями.
И ниц повергся Громобой,
Бесчувствен, полумертвый;
И вопит: «Страшный враг, стой!
Стой, готовы жертвы!»
И скрылись все. Он будит чад...
Он пишет их рукою...
О страх! свершилось... плещет ад
И с гордым Сатанюю.
Ты казнь отсрочил, Громобой,
И дверь сомкнулась ада;
Но жить, погибнувши душой, —
Коль страшная отрада!
Влачи унылы дни, злодей,
В болезни ожиданья;
Веселья нет душе твоей,
И нет ей упования;
Увы! и красный божий мир
И жизнь ему постылы;
Он в людстве дик, в семействе сир.
Он вживе снеть могилы.
Напрасно веет ветерок
С душистыя долины;
И свет луны сребрит поток
Сквозь темны лип вершины;
И ласточка зари восход
Встречает щебетаньем;

И роща в тень свою зовет
Листочков трепетаньем;
И шум бегущих с поля стад
С пастушьими рогами
Вечерний мрак животворят,
Теряясь за холмами...
Его доселе светлый дом
Уж сумрака обитель.
Угрюм, с нахмуренным лицом
Пиров веселых зритель,
Не пьет кипящего вина
Из чаши круговья...
И страшен день; и ночь страшна;
И тени гробовья
Он всюду слышит грозный вой;
И в час глубокой ночи
Бежит одра его покой;
И сон забыли очи.
И тьмы лесов страшится он:
Там бродит привиденье;
То чудится полночный звон,
То погребально пенье;
Страшит его и бури свист,
И грозных туч молчанье,
И с шорохом падающий лист,
И рощи содроганье.
Прокатится ль по небу гром —
Бледнеет, дыбом волос;
«То мститель, послан божеством;

То казни страшный голос».
И вид прелестный юных чад
Ему не наслажденье.
Их милый, чувства полный взгляд,
Спокойствие, смирение,
Краса — веселие очей,
И гласа нежны звуки,
И сладость ласковых речей
Его сугубят муки.
Как роза — благовонный цвет
Под сению надежной,
Они цветут: им скорби нет;
Их сердце безмятежно.
А он?.. Преступник... он, в тоске
На них подъемля очи,
Отверзту видит вдалеке
Пучину адской ночи.
Он плачет; он судьбу клянет;
«О милые творенья,
Какой вас лютый жребий ждет!
И где искать спасенья?
Напрасно вам дана краса;
Напрасно сердцу милы;
Закрыт вам путь на небеса;
Цветете для могилы.
Увы! пора любви придет:
Вам сердце тайну скажет,
Для вас украсит божий свет,
Вам милого покажет;

И взор наполнится тоской,
И тихим грудь желаньем,
И, распаленные душой,
Влекумы ожиданьем,
Для вас взойдет краснее день,
И будет луг душистей,
И сладостней дубравы тень
И птичка голосистей.
И дни блаженства не придут;
Страшитесь милой встречи;
Для вас не брачные зажгут,
А погребальны свечи.
Не в божий, гимнов полный, храм
Пойдете с женихами...
Ужасный гроб готовят нам;
Прокляты небесами.
И наш удел тоска и стон
В обителях геенны...
О, грозный жребия закон,
О, жертвы драгоценны!..»
Но взор возвел он к небесам
В душевном сокрушенье
И мнит: «Сам бог вещает нам —
В раскаянье спасенье.
Возносятся пред вышний трон
Преступников стенанья...»
И дом свой обращает он
В обитель покаянья:
Да странник там найдет покой,

Вдова и сирый друга,
Голодный сладку снедь, больной
Спасенье от недуга.
С утра до ночи у ворот
Служитель настороже;
Он всех прохожих в дом зовет:
«Есть хлеб-соль, мягко ложе».
И вот уже из всех краев,
Влекомые молвою,
Идут толпы сирот, и вдов,
И нищих к Громобою;
И всех приемлет Громобой,
Всем дань его готова;
Он щедрой злато льет рукой
От имени Христова.
И божий он воздвигнул дом;
Подобье светла рая,
Обитель иноков при нем
Является святая;
И в той обители святой,
От братии смиренной
Увечный, дряхлый, и больной,
И скорбью убиенный
Приемлют именем творца
Отраду, исцеленье:
Да воскрешаемы сердца
Узнают провиденье.
И славный мастер призван был
Из города чужого;

Он в храме лик изобразил
Угодника святого;
На той иконе Громобой
Был видим с дочерями,
И на молящихся святой
Взирал любви очами.
И день и ночь огонь пылал
Пред образом в лампаде,
В златом венце алмаз сиял,
И перлы на окладе.
И в час, когда редеет тень,
Еще дубрава дремлет
И воцаряющийся день
Полнеба лишь объемлет;
И в час вечерней тишины —
Когда везде молчанье
И свечи, в храме возжжены,
Льют тихое сиянье, —
В слезах раскаянья, с мольбой,
Пред образом смиренно
Распростирался Громобой,
Веригой отягченный...
Но быстро, быстро с гор текут
В долину вешни воды —
И невозвратные бегут
Дни, месяцы и годы.
Уж время с годом десять лет
Невидимо умчало;
Последнего двух третей нет —

И будто не бывало;
И некий неотступный глас
Вещает Громобою:
«Всему конец! твой близок час!
Погибель над тобою!»
И вот... недуг повергнул злой
Его на одр мученья.
Растерзан лютою рукой,
Не чая исцеленья,
Всечасно пред собой он зрит
Отверзту дверь могилы;
И у возглавия сидит
Над ним призрак унылый.
И нет уж сил ходить во храм
К иконе чудотворной —
Лишь взор стремится он к небесам,
Молящий, но покорный.
Увы! уж и последний день
Край неба озлащает;
Сквозь темную дубравы сень
Блистанье проникает;
Все тихо, весело, светло;
Все негой сладкой дышит;
Река прозрачна, как стекло;
Едва, едва колышет
Листами легкий ветерок;
В полях благоуханье,
К цветку прилипнул мотылек
И пьет его дыханье.

Но грешник сей встречает день
Со стоном и слезами.
«О, рано ты, ночная тень,
Рассталась с небесами!
Сойдитесь, дети, одр отца
С молитвой окружите
И пред судилище творца
Стенания пошлите.
Ужасен нам сей ночи мрак;
Взывайте: искупитель,
Смягчи грозящий гнева зрак;
Не будь нам строгий мститель!»
И страшного одра кругом —
Где бледен, изможденный,
С обезображенным челом,
Все кости обнаженны,
Брада до чресл, власы горой,
Взор дикий, впалы очи,
Вопил от муки Громобой
С утра до поздней ночи —
Стеклися девы, ясный взор
На небо устремили
И в тихий к провиденью хор
Сердца совокупили.
О вид, угодный небесам!
Так ангелы спасенья,
Вонмя раскаянья слезам,
С улыбкой примиренья,
В очах отрада и покой,

От горнего чертога
Нисходят с милостью святой,
Предшественники бога,
К одру болезни в смертный час...
И, утомлен страданьем,
Сын гроба слышит тихий глас:
«Отыди с упованьем!»
И девы, чистые душой,
Подъемля к небу руки,
Смиренной мыслили мольбой
Отца покоить муки:
Но ужас близкого конца
Над ним уже носился;
Язык коснеющий творца
Еще молить стремился;
Тоскуя, взором он искал
Сияния денницы...
Но взор недвижим угасал,
Смыкалися зеницы.
«О, дети, дети, гаснет день». —
«Нет, утро; лишь проснулась
Заря на холме; черна тень
По долу протянулась;
И нивы пусты... в высоте
Лишь жаворонок вьется». —
«Увы! завтра в красоте
Опять сей день проснется!
Но мы... уж скрылись от земли;
Уже нас гроб снедает;

И место, где поднесь цвели,
Нас боле не признает.
Несчастные, дерзну ль на вас
Изречь благословенье?
И в самой вечности для нас
Погибло примиренье.
Но не сопутствуйте отцу
С проклятием в могилу;
Молитесь, воззовем к творцу:
Разгневанный, помилуй!»
И дети, страшных сих речей
Не всю объемля силу,
С невинной ясностью очей
Воскликнули: «Помилуй!»
«О, дети, дети, ночь близка». —
«Лишь полдень наступает:
Пастух у вод для холодка
Со стадом отдыхает;
Молчат поля; в долине сон;
Пылает небо знойно». —
«Мне чудится надгробный стон». —
«Все тихо и спокойно;
Лишь свежий ветерок, порой
Подъемлясь с поля, дует;
Лишь иволга в глуши лесной
Повременно воркует».
«О, дети, светлый день угас». —
«Уж солнце за горою;
Уж по закату разлилась

Багряною струею
Заря, и с пламенных небес
Спокойный вечер сходит,
На зареве чернеет лес,
В долине сумрак бродит». —
«О вечер сумрачный, постой!
Помедли, день прелестный!
Помедли, взор не узрит мой
Тебя уж в поднебесной!..
О, дети, дети, ночь близка». —
«Заря уж догорела;
В туман оделася река;
Окрестность побледнела;
И на распутии пылят
Стада, спеша к селенью». —
«Спасите! полночь бьет!» — «Звонят
В обители к молению:
Отцы поют хвалебный глас;
Огнями храм блистает». —
«При них и грешник в страшный час
К тебе, творец, взывает!...
Не тмится ль, дети, неба свод?
Не мчатся ль черны тучи?
Не вздул ли вихорь бурных вод?
Не вьется ль прах летучий?» —
«Все тихо... служба отошла;
Обитель засыпает;
Луна полнеба протекла;
И божий храм сияет

Один с холма в окрестной мгле;
Луга, поля безмолвны;
Огни по тухну ли в селе;
И рощи спят и волны».
И всюду тишина была;
И вся природа, мнилось,
Предуstraшенная ждала,
Чтоб чудо совершилось...
И вдруг... как будто ветерок
Повеял от востока,
Чуть тронул дремлющий листок,
Чуть тронул зыбь потока...
И некий глас промчался с ним...
Как будто над звездами
Коснулся арфы серафим
Эфирными перстами.
И тихо, тихо божий храм
Отверзся... Неизвестный
Явился старец дев очам;
И лик красы небесной
И кротость благостных очей
Рождали упование;
Одеян ризою лучей,
Окрест главы сиянье,
Он не касался до земли
В воздушном приближеньи...
Пред ним незримые текли
Надежда и Спасенье.
Сердца их ужас обуял...

«Кто этот, в славе зримый?»
Но близ одра уже стоял
Пришлец неизъяснимый.
И к девам прикоснулся он
Полой своей одежды:
И тихий во мгновенье сон
На их простерся вежды.
На искаженный старца лик
Он кинул взгляд укора:
И трепет в грешника проник
От пламенного взора.
«О! кто ты, грозный сын небес?
Твой взор мне наказание».
Но, страшный строгостью очес,
Пришлец хранит молчанье...
«О, дай, молю, твой слышать глас!
Одно надежды слово!
Идет неотразимый час!
Событие готово!» —
«Вы лик во храме чтили мой;
И в том изображенье
Моя десница над тобой
Простерта во спасенье».
«Ах! Что ж могущий повелел?» —
«Надейся и страшися». —
«Увы! какой нас ждет удел?
Что жребий их?» — «Молися».
И, руки положив крестом
На грудь изнеможенну,

Пред неиспытанным творцом
Молитву сокрушенну
Умолкший проливал в слезах;
И тяжко грудь дышала,
И в призывающих очах
Вся скорбь души сияла...
Вдруг начал тмиться неба свод —
Мрачнее и мрачнее;
За тучей грозною ползет
Другая вслед грознее;
И страшно сшиблись над головой;
И небо за клубилось;
И вдруг... повсюду с черной мглой
Молчанье воцарилось...
И близок час полночи был...
И ризою святою
Угодник спящих дев накрыл,
Отступника — десною.
И, устремленны на восток,
Горели старца очи...
И вдруг, сквозь сон и мрак глубокий,
В пучине черной ночи,
Завыл протяжно вещей бой —
Окрестность с ним завывала;
Вдруг... страшной молнией струей
Свод неба раздвоила,
По тучам вихорь пробежал,
И с сильным грома треском
Ревущей буре бес предстал,

Одеян адским блеском.
И змеи в пламенных власах —
Клубясь, шипят и свищут;
И радость злобная в очах —
Кругом, сверкая, рыщут;
И тяжелой цепью он гремел —
Увлечь добычу льстился;
Но старца грозного узрел —
У тихнул и смирился;
И вдруг гордыни блеск угас;
И, смутен, вопрошает:
«Что, мощный враг, тебя в сейчас
К сим падшим призывает».
«Я зрел мольбу их пред собой». —
«Они мое стяжанье». —
«Перед небесным судьей
Всесильно покаянье». —
«И час суда его притек:
Их жребий совершися». —
«Еще ко благодати не рек
Он в гневе: удалися!» —
«Он прав — и я владыка им».-
«Он благ — я их хранитель».-
«Исчезни! ад неотразим». —
«Ответствуй, Искупитель!»
И гром с востока полетел;
И бездну туч трикраты
Рассек браздами ярких стрел
Перун огнекрылатый;

И небо с края в край зажглось
И застонало в страхе;
И дрогнула земная ось...
И, воющий во прахе,
Творца грядуща слышит бес;
И молится хранитель...
И стал на высоте небес
Средь молний ангел-мститель.
«Гряди! и вечный божий суд
Несет моя десница!
Мне казнь и благодать предтекут...
Во прах, чадоубийца!»
О, всемогущество словес!
Уже отступник тленье;
Потух последний свет очес;
В костях оцепененье;
И лик кончиной искажен;
И сердце охладело;
И от сомкнувшихся устен
Дыханье отлетело.
«И праху обладатель ад,
И гробу отверженье,
Доколь на погубленных чад
Не снидет искупленье.
И чадам непробудный сон;
И тот, кто чист душою,
Кто, их не зревши, распален
Одной из них красою,
Придет, житейское презрев,

В забвенну их обитель;
Есть обреченный спящих дев
От неба искупитель.
И будут спать: и к ним века
В полете не коснутся;
И пройдет тления рука
Их мимо; и проснутся
С неизменившейся красой
Для жизни обновленной;
И низойдет тогда покой
К могиле искупленной;
И будет мир в его костях;
И претворенный в радость,
Творца постигнув в небесах,
Речет: господь есть благодать!...»
Уж вестник утра в высоте;
И слышен громкий петел;
И день в воздушной красоте
Летит, как радость светел...
Узрели дев, объятых сном,
И старца труп узрели;
И мертвый страшен был лицом,
Глаза, не зря, смотрели;
Как будто, страждущ, прижимал
Он к хладным персям руки,
И на устах его роптал,
Казалось, голос муки.
И спящих лик покоен был:
Невидимо крылами

Их тихий ангел облачил;
И райскими мечтами
Чудесный был исполнен сон;
И сладким их дыханьем
Окрест был воздух растворен,
Как роз благоуханьем;
И расцветали их уста
Улыбкою прелестной,
И их являлась красота
В спокойствии небесной.
Но вот — уж гроб одет парчой;
Отверзлася могила;
И слышен колокола вой;
И теплятся кадила;
Идут и стар и млад во храм;
Подъемлется рыданье;
Дают бесчувственным устам
Последнее лобзанье;
И грянул в гроб ужасный млат;
И взят уж гроб землею;
И лик воспел: «Усопший брат,
Навеки мир с тобою!»
И вот — и стар и млад пошли
Обратно в дом печали;
Но вдруг пред ними из земли
Вкруг дома грозно встали
Гранитны стены — верх зубчат,
Бока одеты лесом, —
И, сгрянувшись, затворы врат

Задвинулись утесом.
И вспять погнал пришельцев страх:
Бегут, не озираясь;
«Небесный гнев на сих стенах!» —
Вещают, содрогаясь.
И стала та страна с тех пор
Добычей запустенья;
Поля покрыл дремучий бор;
Рассыпались селенья.
И человеческий глас умолк —
Лишь филин на утесе
И в ночь осенню гладный волк
Там воют в черном лесе;
Лишь дико меж седых берегов,
Спираема корнями
Изрытых бурей дубов,
Река клубит волнами.
Где древле окружала храм
Отшельников обитель,
Там грозно свищет по стенам
Змея, развалин житель;
И гимн по сводам не гремит —
Лишь веющий порою
Пустынный ветер шевелит
В развалинах травую;
Лишь, отторгаясь от стен,
Катятся камни с шумом,
И гул, на время пробужден,
Шумит в лесу угрюмом.

И на туманистом холме
Могильный зрится камень.
Над ним всегда в полночной тьме
Сияет бледный пламень.
И крест поверженный обвит
Листами повилики:
На нем угрюмый вран сидит,
Могилы сторож дикий.
И все как мертвое окрест:
Ни лист не шевелится,
Ни зверь близ сих не пройдет мест,
Ни птица не промчится.
Но полночь лишь сойдет с небес —
Вран черный встрепенется,
Зашепчет пробужденный лес,
Могила потрясется;
И видима бродяща тень
Тогда в пустыне ночи:
Как бледный на тумане день,
Ее сияют очи;
То взор возводит к небесам,
То, с видом тяжелой муки,
К непроницаемым стенам,
Моля, подымлет руки.
И в недрах неприступных стен
Молчание могилы;
Окрест их, мглою покровен,
Седеет лес унылый:
Там ветер не шумит в листьях,

Не слышно вод журчанья,
Ни благовония в цветах,
Ни в травке нет дыханья.
И девы спят — их сон глубок;
И жребий искупленья,
Безвестно, близок иль далек;
И нет им пробужденья.
Но в час, когда поля заснут
И мглой земля одета
(Между торжественных минут
Полночи и рассвета),
Одна из спящих восстает —
И, странник одинокий,
Свой срочный начинает ход
Кругом стены высокой;
И смотрит в даль и ждет с тоской:
«Приди, приди, спаситель!»
Но даль покрыта черной мглой...
Нейдет, нейдет спаситель!
Когда ж исполнится луна,
Чреда приходит смены;
В урочный час пробуждена,
Одна идет на стены,
Другая к ней со стен идет,
Встречается и руку,
Вздыхнув, пришелице дает
На долгую разлуку;
Потом к почиющим сестрам,
Задумчива, отходит,

А та печально по стенам
Одна до смены бродит.
И скоро ль? Долго ль?... Как узнать?
Где вестник искупленья?
Где тот, кто властен побеждать
Все ковы обольщенья,
К прелестной прилеплен мечте?
Кто мог бы, чист душою,
Небесной верен красоте,
Непобедим земною,
Все предстоящее презреть
И с верою смиренной,
Надежды полон, в даль лететь
К награде сокровенной?..

1810

Баллада вторая. ВАДИМ

*Du musst glauben. du musst wagen,
Denn die Gotter leih'n kein Pfand:
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schohne Wunderland.*

*Schiller*¹¹

*ДМИТРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ
БЛУДОВУ*

Вот повести моей конец —
И другу посвященье;
Певцу ж смиренному венец
Будь дружбы одобренье.
Вадим мой рос в твоих глазах;
Твой вкус был мне учитель;
В моих запутанных стихах,
Как тайный вождь-хранитель,
Он путь мне к цели проложил.
Но в пользу ли услуга?
Не знаю... Дев я разбудил,
Не усыпить бы друга.

¹¹ Верь тому, что сердце скажет, Нет залогов от небес: Нам лишь чудо путь укажет В сей волшебный край чудес. Шиллер. (Пер. В. А. Жуковского)

В великом Новграде Вадим
Пленял всех красотою,
И дерзким мужеством своим,
И сердца простотою.
Его утеха — по лесам
Скитаться за зверями;
Ужасный вепрям и волкам
Разящими стрелами,
В осенний хлад и летний зной
Он с верным псом на ловле;
Ему постелей — мох лесной,
А свод небесный — кровлей.
Уже двадцатая весна
Вадимова настала;
И, чувства тайного полна,
Душа в нем унывала.
«Чего искать? В каких странах?
К чему стремить желанье?»
Но все — и тишина в лесах,
И быстрых вод журчанье.
И дня меняющийся вид
На облаке небесном,
Все, все Вадиму говорит
О чем-то неизвестном.
Однажды, ловлей утомлен,
Близ Волхова на бреге
Он погрузился в легкий сон...
Струи в свободном беге

Шумели, по корням деревьев
С плесканьем разливаясь;
Душой весны был полон лес;
Листочки, развиваясь,
Дышали жизнью молодой;
Все благовонно было...
И солнце с тверди голубой
К холмам уж нисходило.
И к утру видит сон Вадим:
Одеян ризой белой,
Предстал чудесный муж пред ним
Во взоре луч веселый,
Лик важный светел, стан высок,
На сединах блистанье,
В руке серебряный звонок,
На персях крест в сиянье;
Он шел, как будто бы летел,
И, осенив перстами,
Благовестящими воззрел
На юношу очами.
«Вадим, желанное вдали;
Верь небу; жди смиренно;
Все изменяет на земли,
А небо неизменно;
Стремись, я провожатый твой!»
Сказал — и в то ж мгновенье
В дали явилось голубой
Прелестное виденье:
Младая дева, лик закрыт

Завесою туманной,
И на главе ее лежит
Венок благоуханный.
Вздыхая жалобно, рукой
Манило привиденье
Идти Вадима за собой...
И юноша в смятенье
К ней, сердцем вспыхнув, полетел...
Но вдруг... призрак сокрылся,
Вдали звонок один гремел,
И бледный луч светился;
И вместе с девою пропал
Старик в одежде белой...
Вадим проснулся: день сиял,
А в вышине... звенело.
Он смотрит вдаль на светлый юг:
Там ясно все и чисто;
Оттоль через обширный луг
Струею серебристой
Катился Волхов; небеса
Сливались там с землею;
Туда, за холмы, за леса,
Мчал облака толпою
Летучий, вешний ветерок...
Смятенный, в ожиданье,
Он смотрит, слушает... звонок
Умолк — и все в молчанье.
Три сряду утра тот же сон;
Душа его в волненье.

«О, что же ты, — взывает он, —
Прекрасное явление?
Куда зовешь, волшебный глас?
Кто ты, пришлец священный?
Ах! где она? Увижу ль вас?
И сердцу откровенный
Предел откроется ль очам?»
Но тщетно он очами
Летит к далеким небесам...
Туман под небесами.
И целый мир его мечтой
Пред ним одушевился.
Восток ли свежую красой
Денницы: золотился —
Ему являлся там покров
На образе прелестном.
Дышал ли запахом цветов —
В нем скорбь о неизвестном,
Стремленье в даль, любви тоска,
Томление разлуки;
И в каждом шуме ветерка
Звонка призывны звуки.

И он, не властный победить
Могущего стремленья,
К отцу и к матери просить
Идет благословенья.
«Куда (печальная, в слезах,
Сказала мать сыну)?

В чужих испытывать странах
Неверную судьбину?
Постой; на родине твоей
Дом отчий безопасный;
Здесь сладостна любовь друзей;
Здесь девицы прекрасны».
«Увы! желанного здесь нет;
Спокой себя, родная;
Меня от вас в далекий свет
Ведет рука святая.
И не задремлет ни на час
Хранитель постоянный.
Но где он? Чей я слышал глас?
Кто вождь сей безымянный?
Куда ведет? Какой стезей?
Не знаю — и напрасен
В незнание страх... жив спутник мой:
Путь веры безопасен».
Надев на сына крест золотой,
Ответствует родная:
«Прости, да будет над тобой
Его любовь святая!»
Снимает со стены отец
Свои доспехи ратны:
«Прости, вот меч мой кладенец,
Мой щит и шлем булатный».
Сын в землю матери, отцу;
Целует образ; плачет;
Конь борзый подведен к крыльцу;

Он сел — он крикнул — скачет...
И пыльный по дороге след
Поднял конь быстроногий;
Но вот уже и следу нет:
И пыль слилась с дорогой...
Вздыхнул отец; со вздохом мать
Пошла в свою светлицу;
Ей долго ночь в слезах встречать,
В слезах встречать денницу;
Перед владычицей зажгла
С молитвою лампаду:
Чтобы ему покров была,
Чтоб ей дала отраду.
Вот на распутии Вадим.
Весь мир неизмеримый
Ему открыт; за ним, пред ним
Поля необозримы;
В чужбине он; в желанный край
Неведома дорога.
«Что ж медлишь? Верь — не выбирай;
Вперед, во имя бога;
Куда и как привести меня.
То вождь мой знает боле».
Так он подумал — и коня
Пустил бежать по воле.
И добрый конь как будто сам
Свою дорогу знает;
Он все на юг; он по полям
Путь новый пробивает;

Поток ли встретит — и в поток;
Лишь только пена прыщет.
Ко рву ль примчится — разом скок,
Лишь только воздух свищет.
Заглох ли лес — с ним широка
Дорога в чаше леса;
Утес ли крут — он седока
Стрелой на круть утеса.
Бегут за днями дни; Вадим
Все дале; конь послушный
Не устает: и всюду им
В пути прием радушный:
Ко граду ль случай заведет,
К селу ль, к лачужке ль дымной —
Везде пришельцу у ворот
Привет гостеприимный;
Везде заботливо дают
Хлеб-соль на подкрепление,
На темну ночь святой приют,
На путь благословенье.
Когда ж застигнет мрак ночной
В лесу иль в поле чистом —
Наш витязь, щит под головой,
Спит на ковре росистом
Благоуханной муравы;
Над ним катясь, сияют
Ночные звезды; вокруг главы
Младые сны летают;
И конь, не дремля, сторожит;

И к стороне той, мнится,
И зверь опасный не бежит
И змей приползть боится.
И дни бегут — весна прошла,
И соловьи отпели,
И липа в рощах зацвела,
И нивы пожелтели.
Вадим все дале; уж пред ним
Широкий Днепр сияет;
Он едет берегом крутым,
И взор его летает
С высот по злачным берегам:
Здесь видит луг цветущий,
Там златоверхий город, там
Близ вод рыбачьи кущи.
Однажды — вечер знойный рдел
На небе; лес дремучий
Сквозь пламень зарева синел,
И громовые тучи,
Вслед за багровою луной,
С востока поднимались,
И яркой молнии змеей
В их недре извивались —
Вадим въезжает в темный лес;
Там все в тени молчало;
Лишь трепетание древес
Грозу предвозвещало.
И дичь являлася кругом;
Чуть небеса сквозь сени

Светили гаснувшим лучом;
И дерева, как тени,
Мелькали в бездне темноты
С разверзтыми ветвями.
Вадим вперед — хрустят кусты
Под конскими ногами;
Везде плетень из сучьев им
Дорогу задвигает...
Но их мечом крушит Вадим,
Конь грудью разрывает.
И едет он уж целый час;
Вдруг — жалобные крики;
То нежный и молящий глас,
То яростный и дикий.
Зажглась в нем кровь; на вопли он
Сквозь чашу ветвей рвется;
Конь пышет, лес трещит, и стон
Все ближе раздается;
И вдруг под ним в дичи глухой,
Как будто из тумана,
Чуть освещенная луной,
Открылася поляна.
И что ж у витязя в глазах?
Шумя между кустами,
С медвежьей кожей на плечах.
С дубиной за плечами,
Огромный великан бежит
И на руках могучих
Красавицу младую мчит;

Она, в слезах горючих,
То силится бороться с ним,
То скорбно вопит к богу...
«Стой!» — крикнул хищнику Вадим
И заслонил дорогу.
Ни слова тот на грозну речь;
Как бешеный отпрянул,
Сорвал дубину с крепких плеч,
Взмахнул, в Вадима грянул,
И очи вспыхнули, как жар...
Конь легкий отшатнулся,
В корнистый дуб пришел удар,
И дуб, треща, погнулся;
Вадим всей силою меча
Ударил в исполина —
Рука отпала от плеча,
И в прах легла дубина.
И хищник, рухнув, захрипел
Под конскими ногами;
Рванулся встать; оцепенел
И стих, грозя очами;
И смерть молчаньем заперла
Уста, вопить отверзты;
И, роя землю, замерла
Рука, разинув персты.
Спешит к похищенной Вадим;
Она как лист дрожала
И, севши на коня за ним,
В слезах к нему припала.

«Скажи мне, девица, кто ты?
Кто буйный оскорбитель
Твоей девичьей красоты?
И где твоя обитель?»
«Князь киевский родитель мой;
Град Киев недалеко;
Проедем скоро лес густой,
Увидим брег высокий:
Под берегом тем кипят, шумят
В скалах струи Днепровы,
На бреге том и Киев-град,
Озолоченны кровы;
Я там дни мирные вела,
Не зная с кручиной,
И в старости отцу была
Утехою единой.
Не в добрый час литовский князь,
Враг церкви православной,
Меня узрел и, распалясь
Душою зверонравной,
Послал к нам в Киев-град гонца,
Чтоб, тайною рукою
Меня похитив у отца,
Умчал в Литву с собою.
Он скрылся на Днепре-реке
В лесном уединенье,
От Киева невдалеке;
О дерзком замышленье
Никто и сонный не мечтал;

Губитель не встречался
В лесу ни с кем; как волк, он ждал
Добычи — и дождался.
Я нынче раннею порой
В луг вышла, полевые
Сбирать цветки; пошли со мной
Подружки молодые.
Мы росу брали на цветах,
Росою умывались,
И рвали ягоды в кустах,
И громко окликались.
Уж солнце жгло с полунебсс;
Я шла одна; кустами
Вилась дорожка; темный лес
Чернел перед глазами.
Вдруг шум... смотрю... злодей за мной:
Страх подкосил мне ноги;
Он сильною меня рукой
Схватил — и в лес с дороги.
Ах! что б в удел досталось мне,
Что было бы со мною,
Когда б не ты? В чужой стране
Изныла б сиротою.
От милых ближних вдалеке
Живет ли сердцу радость?
И в безутешной бы тоске
Моя увяла младость;
И с горем дряхлый мой отец
Повлекся бы ко гробу...

Но слабость защитил творец,
Сразил всевышний злобу».
Меж тем с поляны в гущину
Въезжает витязь; тучи,
Толпясь, заволокли луну;
Стал душен лес дремучий...
Гроза собиралась; меж листов
Дождь крупный пробивался,
И шум тяжелых облаков
С их ропотом мешался...
Вдруг вихорь набежал на лес
И взрыл дерев вершины,
И загорелися небес
Кипящие пучины.
И все взревело... дождь рекой;
Гром страшный, треск за треском:
И шум воды, и вихря вой;
И поминутным блеском
Воспламеняющийся лес;
И встречу, справа, слева
Ряды валящихся древес;
Конь рвется; в страхе дева;
И, заслонив ее щитом,
Вадим смятенный ищет,
Где б приютиться... но кругом
Все дичь, и буря свищет.
И вдруг уж нет дороги им;
Стена из камней мшистых:
Гром мчался по бокам крутым;

В расселинах лесистых
Спираясь, вихорь бушевал,
И молнии горели,
И в бездне бури груди скал
Сверкали и гремели.
Вадим назад... но вдруг удар!
Ель, треснув, запылала;
По ветвям пробежал пожар,
Окрестность заблистала.
И в зареве открылась им
Пещера под скалою.
Спешит к убежищу Вадим;
Заботливой рукою
Он снял сопутницу с коня,
Сложил с рамен кольчугу,
Зажег костер и близ огня,
Взяв на руки подругу,
На броню сел. Дымясь, сверкал
В костре огонь трескучий;
Поверх пещеры гром летал,
И бунтовали тучи.
И прислонив к груди своей
Вадим княжну младую
Из золотых ее кудрей
Жал влагу дождевую;
И, к персям девственным уста
Прижав, их грел дыханьем;
И в них вливалась теплота;
И с тихим трепетаньем

Они касались устам;
И девица молчала;
И, к юноши прильнув плечам,
Рука ее пылала.
Лазурны очи опустя,
В объятиях Вадима
Она, как тихое дитя,
Лежала недвижима;
И что с невинною душой
Сбылось — не постигала;
Лишь сердце билось, и порой,
Вся вспыхнув, трепетала;
Лишь пламень гаснувший сиял
Сквозь тень ресниц склоненных,
И вздох невольный вылетал
Из уст воспламененных.
А витязь?... Что с его душой?..
Увы! сих взоров сладость,
Сих чистых, под его рукой
Горящих персей младость,
И мягкий шелк кудрей густых,
По раменам разлитых,
И свежий блеск ланит младых,
И уст полуоткрытых
Палящий жар, и тихий глас,
И милое смятенье,
И ночи таинственный час,
И вокруг уединенье —
Все чувства разжигало в нем...

О власть очарованья!
Уже, исполнены огнем
Кипящего лобзанья,
На девственных ее устах
Его уста горели
И жарче розы на щеках
Дрожащей девы рдели;
И все... но вдруг смутился он
И в радостном волненье
Затрепетал... знакомый звон
Раздался в отдаленье.
И долго, жалобно звенел
Он в бездне поднебесной;
И кто-то, чудилось, летел,
Незримый, но известный;
И взор, исполненный тоской,
Мелькал сквозь покрывало;
И под воздушной пеленой
Печальное вздыхало...
Но вдруг сильнее потрясся лес,
И небо зашумело...
Вадим взглянул — призрак исчез;
А в вышине... звенело.
И вслед за милою мечтой
Душа его стремится:
Уже, подернувшись золой,
Едва-едва курится
В костре огонь; на небесах
Нет туч, не слышно рева;

Небрежно на его руках,
Припав к ним грудью, дева
Младенческий вкушает сон
И тихо, тихо дышит;
И близок уж рассвет; а он
Не видит и не слышит.
Стал веять свежий ветерок,
Взошла звезда денницы,
И обагрянился восток,
И пробудились птицы;
Копытом топнув, конь заржал;
Вадим очнулся — ясно
Все было вокруг; но сон смыкал
Глаза княжны прекрасной;
К ней тихо прикоснулся он;
Вздыхнув, она одела
Власами грудь сквозь тонкий сон,
Взглянула — покраснела.
И витязь в шлеме и броне
Из-под скалы с княжною
Выходит. Солнце в вышине
Горело; под горою,
Сияя, пену расстилал
По камням Днепр широкий;
И лес кругом благоухал;
И благовест далекий
Был слышен. На коня Вадим,
Перекрестясь, садится;
Княжна по-прежнему за ним;

И конь по берегу мчится.
Вдруг путь широкий меж деревьев:
Их чаща раздалася,
И в голубой дали небес,
Как звездочка, зажглася
Глава Печерская с крестом.
Конь скачет быстрым скоком;
Уж в граде он; уж пред дворцом;
И видят: на высоком
Крыльце великий князь стоит;
В очах его кручина;
Перед крыльцом народ кипит,
И строится дружина.
И смелых вызывает он
В погоню за княжною
И избавителю свой трон
Сулит с ее рукою.
Но топот слышен в тишине;
Густая пыль клубится;
И видят, с девой на коне
Красивый всадник мчится.
Народ отхлынул, как волна;
Дружина расступилась;
И на руках отца княжна
При кликах очутилась.
Обняв Вадима, князь сказал:
«Я не нарушу слова;
В тебе господь мне сына дал
Заменю родного.

Я стар: будь хилых старца дней
Опорой и усладой;
А смелой доблести твоей
Будь дочь моя наградой.
Когда ж наступит мой конец,
Тогда мою державу
И светлый княжеский венец
Наследуй в честь и славу».
И громко, громко раздалось
Дружины восклицанье;
И зашумело, полилось
По граду ликованье;
Богатый пир на весь народ;
Весь город изукрашен;
Кипит в заздравных кружках мед,
Столы трещат от брашен;
Поют певцы; колокола
Гудят не умолкая;
И от огней потешных мгла
Зарделася ночная.
Веселье всем; один Вадим
Не весел — мысль далеко.
Сердечной думою томим,
Безмолвен, одинокий,
Ни песням, ни приветам он
Не внемлет, равнодушный;
Он ступит шаг — и слышит звон;
Подымет взор — воздушный
Призрак летает перед ним

В знакомом покрывале;
Преклонит слух — твердят: «Вадим,
Не забывайся, дале!»
Идет к Днепровым берегам
Он тихими шагами
И, смутен, взор склонил к водам...
Небесная с звездами
Была в них твердь отражена;
Вдали, против заката,
Всходила полная луна;
Вадим глядит... меж злата
Осыпанных луною волн
Как будто бы чернеет,
В зыбях ныряя, легкий челн,
За ним струя белеет.
Глядит Вадим... челнок плывет...
Натянуто ветрило;
Но без гребца весло гребет;
Без кормщика кормило,
Вадим к нему... К Вадиму он...
Садится... челн помчалось...
И вдруг... как будто с юга звон;
И вдруг... все замолчало...
Плывет челнок; Вадим глядит;
Сверкая, волны плещут;
Лесистый берег назад бежит;
Ночные звезды блещут.
Быстрее, быстрее в реке волна;
Челнок быстрее, быстрее;

Светлее на небе луна;
На бреге лес темнее.
И дале, дале... все кругом
Молчит... как великаны,
Скалы нагнулись над Днепром;
И, черен, сквозь туманы
Глядится в реку тихий лес
С утесистой стремнины;
И уж луна почти небес
Дошла до половины.
Сидит, задумавшись, Вадим;
Вдруг... что-то пролетело;
И облачко луну, как дым
Невидимый, одело;
Луна померкла; по волнам,
По тихим сениям леса,
По берегу, по крутым скалам
Раскинулась завеса;
Шатнул ветрилом ветерок,
И руль зашевелился,
Ко берегу повернул челнок,
Доплыл, остановился.
Вадим на брег; от брега челн;
Ветрило заиграло;
И вдруг вдали, с зыбями волн
Смешавшись, все пропало.
В недоумении Вадим;
Кругом скалы как тучи;
Безмолвен, дик, необозрим,

По камням бор дремучий
С реки до берега вышины
Восходит; все в молчанье...
И тускло падает луны
На мглу вершин сиянье.
И тихо по скалам крутым,
Влекомый тайной силой,
Наверх взбирается Вадим.
Он смотрит — все уныло;
Как трупы, сосны под травой
Обрушенные тлеют;
На сучьях мох висит седой;
Разинувшись, чернеют
Расселины дуплистых пней,
И в них глазами блещет
Сова, иль чешуями змей,
Ворочаясь, трепещет.
И, мнится, жизни в той стране
От века не бывало;
Как бы с созданья в мертвом сне
Древа, и не смущало
Их сна ничто: ни ветерка
Перед денницей шепот,
Ни легкий шорох мотылька,
Ни вепря тяжкий топот.
Уже Вадим на вышине;
Вдруг бор редее темный;
Раздвинулся,.. и при луне
Явился холм огромный.

И на вершине древний храм;
Блестящими крестами
Увенчаны главы, к дверям
Тяжелыми винтами
Огромный пригвожден затвор;
Вкруг храма переходы,
Столбы, обрушенный забор,
Растреснутые своды
Трапезы, келий ряд пустых,
И всюду по колени
Полынь, и длинные от них
По скату холма тени.
Вадим подходит: невдали
Могильный виден камень,
Крест наклонился до земли,
И легкий, бледный пламень,
Как свечка, теплится над ним;
И ворон, птица ночи,
На нем, как призрак, недвижим
Сидит, унылы очи
Вперив на месяц. Вдруг, крылом
Взмахнув, он пробудился,
Взвился... и на небе пустом,
Трикраты крикнув, скрылся.
Объял Вадима тайный страх;
Глядит в недоуменье —
И дивное тогда в глазах
Вадимовых явленье:
Он видит, некто приподнял

Иссохшими руками
Могильный камень, бледен встал,
Туманными очами
Блеснул, возвел их к небесам,
Как будто бы моляся,
Пошел, стучаться начал в храм...
Но дверь не отперлася.
Вздыхнув, повлекся дале он,
И тихий под стопами
Был слышен шум, и долго, стон
Пуская, меж стенами,
Между обломками столбов,
Как бледный дым, мелькала
Бредуща тень... вдруг меж кустов
Вдали она пропала.
Там, бором покровен, утес
Вздымался, крут и страшен,
И при луне из-за деревьев
Являлись кровы башен.
Вадим туда: уединен,
На груди скал мохнатых,
Над черным бором, обнесен
Оградой стен зубчатых,
Стоит там замок, тих, как сна
Безмолвное жилище,
И вся окрест его страна
Угрюма, как кладбище;
И башни по углам стоят,
Как призраки седые,

И сгромоздились у врат
Скалы сторожевые.
Душа Вадимова полна
Смятенным ожиданьем —
И светит сумрачным луна
Сквозь облако сияньем.
Но вдруг... слетел с луны туман,
И бор засеребрился,
И замок весь, как великан,
Над бором осветился;
И от востока ветерок
Подул передрагасветный,
И, чу!.. из-за стены звонок
Послышался приветный.
И что ж он видит? По стене,
Как тень уединенна,
С восточной к западной стране,
Туманным облеченна
Покровом, девица идет;
Навстречу к ней другая;
И та, приближась, подает
Ей руку и, вздыхая,
Путь одинокий вдоль стены
На запад продолжает;
Другая ж, к замку с вышины
Спустившись, исчезает.
И за идущею вослед
Вадим летит очами;
Уж, ясен, молодой рассвет

Встает меж облаками;
Уж загорается восток...
Она все дале, дале;
И тихо ранний ветерок
Играет в покрывале;
Идет — глаза опущены,
Глава на грудь склонилась —
Пришла на поворот стены;
Поворотилась; скрылась.
Стоит как вкопанный Вадим;
Душа в нем замирает:
Как будто лик свой перед ним
Судьба разоблачает.
Бледнее тусклая луна;
Светлей восток багровый;
И озаряется стена,
И ярко блещут кровы;
К восточной обратясь стране,
Ждет витязь... вдруг вспылала
В нем кровь... глядит... там на стене
Идущая предстала.
Идет; на темный смотрит бор;
Как будто ждет в волненье;
Как бы чего-то ищет взор
В пустынном отдаленье...
Вдруг солнце в пламени лучей
На крае неба стало...
И витязь в блеске перед ней!
Как облак, покрывало

Слетело с юного чела —
Их встретилися взоры;
И пала от ворот скала,
И раздались их створы.
Стремится на ограду он;
Идет она с ограды;
Сошлись... о вещей, верный сон!
О час святой награды!
Свершилось! все — и ранних лет
Прекрасные желанья,
И озаряющие свет
Младой души мечтанья,
И все, чего мы здесь не зрим,
Что вере лишь открыто, —
Все вдруг явилось перед ним,
В единый образ слито!
Глядят на небо, слезы льют,
Восторгом слов лишены...
И вдруг из терема идут
К ним девы пробужденны:
Как звезды, блещут очеса;
На ясных лицах радость,
И искупления краса,
И новой жизни младость.
О сладкий воскресенья час!
Им мнилось: мир рождался!
Вдруг... звучно благовеста глас
В тиши небес раздался.
И что ж? храм божий отворен;

Там слышится моление;
Они туда: храм освещен;
В кадилъницах куренье;
Перед угодником горит,
Как в древни дни, лампада,
И благодатное бежит
Сияние от взгляда:
И некто, светел, в алтаре
Простерт перед потиром,
И возглашается горе
Хвала незримым клиром.
Молясь, с подругой стал Вадим
Пред царскими дверями,
И вдруг... святой налой пред ним;
Главы их под венцами;
В руках их свечи зажжены;
И кольца обручальны
На персты их возложены;
И слышен гимн венчальный...
И вдруг... все тихо! гимн молчит;
Безмолвны своды храма;
Один лишь, таинствен, блестит
Алтарь средь фимиама.
И в сем молчанье кто-то к ним
Приветный подлетает,
Их кличет именем родным,
Их нежно отзывает...
Куда же?... о священный вид!
Могила перед ними;

И в ней спокойно; дерн покрыт
Цветами молодыми;
И дышит ветерок окрест,
Как дух бесплотный вея;
И обвивает светлый крест
Прекрасная лилея.
Они упали ниц в слезах;
Их сердце вести ждало,
И трепетом священный прах
Могилы вопрошало...
И было все для них ответ:
И холм помолоделый,
И луга обновленный цвет,
И бег реки веселый,
И воскрешенны деревья
С вершинами живыми,
И, как бессмертье, небеса
Спокойные над ними...
Промчались веки вслед векам...
Где замок? где обитель?
Где чудом освященный храм?
Все скрылось... лишь, хранитель
Давно минувшего, живет
На прахе их преданье.
Есть место... там игристых вод
Пленительно сверканье;
Там вечно зелен пышный лес;
Там сладок ветра шепот
И с тихим разговором деревьев

Волны слиянный ропот.
На месте оном — так гласит
Правдивое преданье —
Был пепел инокинь сокрыт:
В посте и покаянье
При гробе грешника-отца
Они кончины ждали
И примиренного творца
В молитвах прославляли...
И улетела к небесам
С земли их жизнь святая,
Как улетает фимиам
С кадил, благоухая.
На месте оном — в светлый час
Земли преображенья —
Когда, послышав утра глас,
С звездою пробужденья,
Востока ангел в тишине
На край небес взлетает
И по туманной вышине
Зарю распростирает,
Когда и холм, и луг, и лес —
Все оживленным зрится
И пред святилищем небес,
Как жертва, все дымится, —
Бывают тайны чудеса,
Невиданные взором:
Отшельниц слышны голоса;
Горе хвалебным хором

Поют; сквозь занавес зари
Блится крест; сияны
Из света зрят алтари;
И, яркими венчаны
Звездами, девы предстоят
С молитвой их святыне,
И серафимов тьмы кипят
В пылающей пучине.

1814 — 1817

РЫБАК

Бежит волна, шумит волна!
Задумчив, над рекой
Сидит рыбак; душа полна
Прохладной тишиной.
Сидит он час, сидит другой;
Вдруг шум в волнах притих...
И влажною всплыла главою
Красавица из них.
Глядит она, поет она:
«Зачем ты мой народ
Манишь, влечешь с родного дна
В кипучий жар из вод?
Ах! если б знал, как рыбкой жить
Привольно в глубине,
Не стал бы ты себя томить
На знойной вышине.
Не часто ль солнце образ свой
Купает в лоне вод?
Не свежей ли горит красой
Его из них исход?
Не с ними ли свод неба слит
Прохладно-голубой?
Не в лоно ль их тебя манит
И лик твой молодой?»

Бежит волна, шумит волна...
На берег вал плеснул!
В нем вся душа тоски полна.
Как будто друг шепнул!
Она поет, она манит —
Знать, час его настал!
К нему она, он к ней бежит...
И след навек пропал.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.

К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?»

«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:

Он в темной короне, с густой бородой».

«О нет, то белеет туман над водой».

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;

Веселого много в моей стороне:

Цветы бирюзовы, жемчужны струи;

Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:

Он золото, перлы и радость сулит».

«О нет, мой младенец, ослышался ты:

То ветер, проснувшись, колыхнул листы».

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей

Узнаешь прекрасных моих дочерей:

При месяце будут играть и летать,

Играя, летая, тебя усыплять».

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:

Мне, вижу, кивают из темных ветвей».

«О нет, все спокойно в ночной глубине:

То ветлы седые стоят в стороне».

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать».
Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

ГРАФ ГАПСБУРГСКИЙ

Торжественным Ахен весельем шумел;
В старинных чертогах, на пире
Рудольф, император избранный, сидел
В сиянье венца и в порфире.
Там кушанья рейнский фальцграф разносил;
Богемец напитки в бокалы цедил;
И семь избирателей, чином
Устроенный древле свершая обряд,
Блистали, как звезды пред солнцем блестят,
Пред новым своим властелином.
Кругом возвышался богатый балкон,
Ликующим полный народом;
И клики, со всех прилетая сторон,
Под древним сливались сводом.
Был кончен раздор: перестала война;
Бесцарственны, грозны прошли времена;
Судья над землею был снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущим во власть без покрова.
И кесарь, наполнив бокал золотой,
С приветливым взором вещает:
«Прекрасен мой пир; все пирует со мной;
Все царский мой дух восхищает...

Но где ж утешитель, пленитель сердец?
Придет ли мне душу растрогать певец
Игрой и благим поученьем?
Я песней был другом, как рыцарь простой.
Став кесарем, брошу ль обычай святой
Пиры услаждать песпопеньем?»
И вдруг из среды величавых гостей
Выходит, одетый таларом,
Певец в красоте поседелых кудрей.
Младым преисполненный жаром.
«В струнах золотых вдохновенье живет,
Певец о любви благодатной поет,
О всем, что святого есть в мире,
Что душу волнует, что сердце манит...
О чем же властитель воспеть повелит
Певцу на торжественном пире?»
«Не мне управлять песнопевца душой
(Певцу отвечает властитель);
Он высшую силу признал над собой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумит;
Кто знает, откуда, куда он летит?
Из бездны поток выбегает;
Так песнь зарождает души глубина,
И темное чувство, из дивного сна
При звуках воспрянув, пылает».
И смело ударил певец по струнам,
И голос приятный раздался:
«На статном коне по горам, по полям

За серною рыцарь гонялся;
Он с ловчим одним выезжает сам-друг
Из чащи лесной на сияющий луг,
И едет он шагом кустами:
Вдруг слышат они: колокольчик гремит;
Идет из кустов пономарь и звонит;
И следом священник с дарами.
И набожный граф, умиленный душой,
Колена свои преклоняет
С сердечною верой, с горячей мольбой
Пред Тем, что живит и спасает.
Но лугом стремился кипучий ручей;
Свирепо надувшись от сильных дождей,
Он путь заграждал пешеходу;
И спутнику пастырь дары отдает;
И обувь снимает и смело идет
С священной ношею в воду».
«Куда?» — изумившийся граф спросил.
«В село; умирающий нищий
Ждет в муках, чтоб пастырь его разрешил,
И алчет небесныя пищи.
Недавно лежал через этот поток
Сплетенный из сучьев для пеших мосток —
Его разбросало водою;
Чтоб душу святой благодатью спасти,
Я здесь неглубокий поток перейти
Спешу обнаженной стопою».
И пастырю витязь коня уступил
И подал ноге его стремя,

Чтоб он облегчить покаяньем спешил
Страдальцу греховное бремя.

И к ловчему сам на седло пересел
И весело в чашу на лов полетел;
Священник же, требу святую
Свершивши, при первом мерцании дня
Является к графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

«Дерзну ли помыслить я, — граф возгласил,
Почтительно взоры склонивши, —
Чтоб конь мой ничтожной забаве служил.
Спасителю-богу служивши?»

Когда ты, отец, не приемлешь коня,
Пусть будет он даром благим от меня
Отныне тому, чье даянье
Все блага земные, и сила, и честь,
Кому не помедлю на жертву принести
И силу, и честь, и дыханье».

«Да будет же вышний господь над тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почитит он в сей жизни и в той,
Как днесь он почте н был тобою;
Гельвеция славой сияет твоей;
И шесть расцветают тебе дочерей,
Богатых дарами природы:
Да будут же (молвил пророчески он)
Уделом их шесть знаменитых корон;
Да славятся в роды и роды».
Задумавшись, голову кесарь склонил:

Минувшее в нем оживилось.
Вдруг быстрый он взор на певца устремил
И таинство слов объяснилось:
Он пастыря видит в певце пред собой;
И слезы свои от толпы золотой
Порфирой закрыл в умиление...
Все смолкло, на кесаря очи подняв,
И всяк догадался, кто набожный граф,
И сердцем почтил провиденье.

УЗНИК

«За днями дни идут, идут,
Напрасно;
Они свободы не ведут
Прекрасной;
Об ней тоскую и молюсь,
Ее зову, не дозовусь.
Смотрю в высокое окно
Темницы:
Все небо светом зажжено
Денницы;
На свежих крыльях ветерка
Летают вольны облака.
И так все блага заменить
Могилкой;
И бросить свет, когда в нем жить
Так мило;
Ах! дайте в свете подышать;
Еще мне рано умирать.
Лишь миг весенним бытие м
Жила я;
Лишь миг на празднике земном
Была я;
Душа готовилась любить...
И все покинуть, все забыть!»

Так голос заунывный пел
В темнице...
И сердцем юноша летел
К певиче.
Но он в неволе, как она;
Меж ними хладная стена.
И тщетно с ней он разлучен
Стеною:
Невидимую знает он
Душою;
И мысль об ней и день и ночь
От сердца не отходит прочь.
Все видит он: во тьме она
Тюремной
Сидит, раздумью предана,
Взор томный;
Младенчески прекрасен вид;
И слезы падают с ланит.
И ночью, забывая сон,
В мечтанье
Ее подслушивает он
Дыханье;
И на устах его горит
Огонь ее молодых ланит.
Таясь, страдания одне
Делить с ней,
В одной темничной глубине
Молить с ней
Согласной думой и тоской

От неба участи одной —
Вот жизнь его: другой не ждет
Он доли;
Он, равнодушный, не зовет
И воли:
С ней розно в свете жизни нет;
Прекрасен только ею свет.
«Не ты ль, — он мнит, — давно была
Любима?
И не тебя ль душа звала,
Томима
Желанья смутного тоской,
Волненьем жизни молодой?
Тебя в пророчественном сне
Видал я;
Тобою в пламенной весне
Дышал я;
Ты мне цвела в живых цветах;
Твой образ веял в облаках.
Когда же сердце ясный взор
Твой встретит?
Когда, разрушив сей затвор,
Осветит
Свобода жизнь вдвоем для нас?
Лети, лети, желанный час».
Напрасно; час не прилетел
Желанный;
Другой создателем удел
Избранный

Достался узнице молодой —
Небесно-тайный, не земной.
Раз слышит он: затворов гром,
Рыданье,
Звук цепи, голоса... потом
Молчанье...
И ужас грудь его томит —
И тщетно ждет он... все молчит.
Увы! удел его решен...
Угрюмый,
Навек грядущего лишен,
Все думы
За ней он в гроб переселил
И молит рок, чтоб поспешил.
Однажды — только занялась
Денница —
Его со стуком расперлась
Темница.
«О радость! (мнит он) скоро к ней!»
И что ж?... Свобода у дверей.
Но хладно принял он привет
Свободы:
Прекрасного уж в мире нет;
Дни, годы
Напрасно будут проходить...
Погибшего не возвратить.
Ах! слово милое об ней
Кто скажет?
Кто след ее забытых дней

Укажет?
Кто знает, где она цвела?
Где тот, кого своим звала?
И нет ему в семье родной
Услады;
Задумчив, грустию немой
Он взгляды
Сердечные встречает их;
Он в людстве сумрачен и тих.
Настанет день — ни с места он;
Безгласный,
Душой в мечтанье погружен,
Взор страстный
Исполнен смутного огня,
Стоит он, голову склоня.
Но тихо в сумраке ночей
Он бродит
И с неба темного очей
Не сводит
Звезда знакомая там есть;
Она к нему приносит весть...
О милом весть и в мир иной
Призванье...
И делит с тайной он звездой
Страданье;
Ее краса оживлена:
Ему в ней светится она.
Он таял, гаснул и угас...
И мнилось,

Что вдруг пред ним в последний час

Явилось

Все то, чего душа ждала,

И жизнь в улыбке отошла.

ДОНИКА

Есть озеро перед скалой огромной;
На той скале давно стоял
Высокий замок и громадой темной
Прибрежны воды омрачал.
На озере ладья не попадалась;
Рыбак страшился удить в нем;
И ласточка, летя над ним, боялась
К нему дотронуться крылом.
Хотя б стада от жажды умирали,
Хотя б палил их летний зной:
От берегов его они бежали
Смятенно-робкою толпой.
Случалось, что ветер и осокой
У озера не шевелил:
А волны в нем вздымались высоко,
И в них ужасный шепот был.
Случалось, что, бурю разима,
Дрожала твердая скала:
А мертвых вод поверхность недвижима
Была спокойнее стекла.
И каждый раз — в то время, как могилой
Кто в замке угрожаем был, —
Пророчески, гармонией унылой
Из бездны голос исходил.

И в замке том, могуществом великий,
Жил Ромуальд; имел он дочь;
Пленялось все красой его Доники:
Лицо — как день, глаза — как ночь.
И рыцарей толпа пред ней теснилась:
Все душу приносили в дар;
Одним из них красавица пленилась:
Счастливец этот был Эврар.
И рад отец; и скоро уж наступит
Желанный, сладкий час, когда
Во храме их священник совокупит
Святым союзом навсегда.
Был вечер тих, и небеса алели;
С невестой шел рука с рукой
Жених: они на озеро глядели
И услаждались тишиной.
Ни трепета в листьях дерев, ни знака
Малейшей зыби на водах...
Лишь лаяньем Деникина собака
Пугала пташек на кустах.
Любовь в груди невесты пламенела
И в темных таяла очах;
На жениха с тоской она глядела:
Ей в душу вкрадывался страх.
Все было вокруг какой-то полно тайной:
Безмолвно гас лазурный свод;
Какой-то сон лежал необычайный
Над тихою равниной вод.
Вдруг бездна их унылый и глубокий

И тихий голос издала:
Гармония в дали небес высокой
Отозвалась и умерла...
При звуке сем Доника побледнела
И стала сумрачно-тиха;
И вдруг... она трепещет, охладела
И пала в руки жениха.
Оцепенев, в безумстве исступленья,
Отчаянный он поднял крик...
В Донике нет ни чувства, ни движенья:
Сомкнуты очи, мертвый лик.
Он рвется... плачет... вдруг пошевелились
Ее уста... потрясена
Дыханьем легким грудь... глаза открылись.
И встала медленно она.
И мутными глядит кругом очами,
И к другу на руку легла,
И, слабая, неверными шагами
Обратно в замок с ним пошла.
И были с той поры ее ланиты
Не свежей розы красотой,
Но бледностью могильною покрыты;
Уста пугали синевой.
В ее глазах, столь сладостно сиявших,
Какой-то острый луч сверкал,
И с бледностью ланит, глубоко впавших,
Он что-то страшное сливал.
Ласкаться к ней собака уж не смела;
Ее прикликать не могли;

На госпожу, дичась, она глядела
И выла жалобно вдали.
Но нежная любовь не изменила:
С глубокой нежностью Эввар
Скорбел об ней, и тайной скорби сила
Любви усиливала жар.
И милая, деля его страданья,
К его склонилась мольбам:
Назначен день для бракосочетанья;
Жених повел невесту в храм.
Но лишь туда вошли они, чтоб верный
Пред алтарем обет изречь:
Иконы все померкли вдруг, и серный
Дым побежал от брачных свеч.
И вот жених горячею рукою
Невесту за руку берет...
Но ужас овладел его душою:
Рука та холодна, как лед.
И вдруг он вскрикнул... окружен лучами,
Пред ним бесплотный дух стоял
С ее лицом, улыбкою, очами...
И в нем Донику он узнал.
Сама ж она с ним не стояла рядом:
Он бледный труп один узрел...
А мрачный бес, в нее вселенный адом,
Ужасно взвыл и улетел.

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод; народ умирал.
Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.
Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.
Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.
«Дожили мы до неожиданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;
Бедных к себе на пирушку зовет», —
Так говорил изумленный народ.
К сроку собралися званые гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворен:
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.
Глядя епископ на пепел пожарный
Думает: «Будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».
В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.
Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.
Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».
Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».
Ход был до Рейна от замка подземный;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит:
«В Рейнской башне спасусь» (говорит).
Башня из рейнских вод подымалась;

Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.
В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням:
В страхе один затворился он там.
Стены из стали казались слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.
Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмуриив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.
Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.
Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.
Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.
Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,

Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?
Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

АЛОНЗО

Из далекой Палестины
Возвратясь, певец Алонзо
К замку Бальби приближался,
Полон песней вдохновенных:
Там красавица младая,
Струны звонкие подслушав,
Обомлеет, затрепещет
И с альтана взор наклонит.
Он приходит в замок Бальби,
И под окнами поет он
Все, что сердце молодое
Втайне выдумать умело.
И цветы с высоких окон,
Видит он, к нему склонились;
Но царицы сладких песней
Меж цветами он не видит.
И ему тогда прохожий
Прошептал с лицом печальным:
«Не тревожь покоя мертвых;
Спит во гробе Изолина».
И на то певец Алонзо
Не отвечал ни слова:
Но глаза его потухли,
И не бьется боле сердце.

Как незапным дуновеньем
Ветерок лампаду гасит,
Так угас в одно мгновенье
Молодой певец от слова.
Но в старинной церкви замка,
Где пылали ярко свечи,
Где во гробе Изолина
Под душистыми цветами
Бледноликая лежала,
Всех проник незапный трепет:
Оживленная, из гроба
Изолина поднялася...
От бесчувствия могилы
Возвратясь незапно к жизни,
В гробовой она одежде,
Как в уборе брачном, встала;
И, не зная, что с ней было,
Как объятая виденьем,
Изумленная спросила:
«Не пропел ли здесь Алонзо?..»
Так, пропел он, твой Алонзо!
Но ему не петь уж боле:
Пробудив тебя из гроба,
Сам заснул он, и навеки.
Там, в стране преображенных,
Ищет он свою земную,
До него с земли на небо
Улетевшую подругу...
Небеса кругом сияют,

Безмятежны и прекрасны...
И, надеждой обольщенный,
Их блаженства пролетая,
Кличет там он: «Изолина!»
И спокойно раздаётся:
«Изолина! Изолина!» —
Там в блаженствах безответных.

ЛЕНОРА

Леноре снился страшный сон,
Проснулася в испуге.
«Где милый? Что с ним? Жив ли он?
И верен ли подруге?»
Пошел в чужую он страну
За Фридериком на войну;
Никто об нем не слышит;
А сам он к ней не пишет.
С императрицею король
За что-то раздружились,
И кровь лилась, лилась... доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончив бой,
С музыкой, песнями, пальбой,
С торжественностью ратной
Пустились в путь обратный.
Идут! идут! за строем строй;
Пылят, гремят, сверкают;
Родные, ближние толпой
Встречать их выбегают;
Там обнял друга нежный друг,
Там сын отца, жену супруг;
Всем радость... а Леноре
Отчаянное горе.

Она обходит ратный строй
И друга вызывает;
Но вести нет ей никакой:
Никто об нем не знает.
Когда же мимо рать прошла —
Она свет божий прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.
К Леноре мать бежит с тоской:
«Что так тебя волнует?
Что случилось, дитя, с тобой?» —
И дочь свою целует.
«О, друг мой, друг мой, все прошло!
Мне жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Сам бог врагом Леноре...
О горе мне! о горе!»
«Прости ее, небесный царь!
Родная, помолися;
Он благ, его руки мы тварь:
Пред ним душой смирися».
«О, друг мой, друг мой, все как сон...
Немилостив со мною он;
Пред ним мой крик был тщетен...
Он глух и безответен».
«Дитя, от жалоб удержишь;
Смири души тревогу;
Пречистых тайн причастись,
Пожертвуй сердцем богу».
«О, друг мой, что во мне кипит,

Того и бог не усмирит:
Ни тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвый».
«Но что, когда он сам забыл
Любви святое слово,
И прежней клятве изменил,
И связан клятвой новой?
И ты, и ты об нем забудь;
Не рви тоской напрасной грудь;
Не стоит слез предатель;
Ему судья создатель».
«О, друг мой, друг мой, все прошло;
Пропавшее пропало;
Жизнь безотрадную назло
Мне провиденье дало...
Угасни ты, противный свет!
Погибни, жизнь, где друга нет!
Сам бог врагом Леноре...
О горе мне! о горе!»
«Небесный царь, да ей простит
Твое долготерпенье!
Она не знает, что творит:
Ее душа в забвенье.
Дитя, земную скорбь забудь:
Ведет ко благу божий путь;
Смиранным рай награда.
Страшись мучений ада».
«О, друг мой, что небесный рай?
Что адское мученье?

С ним вместе — все небесный рай;
С ним розно — все мученье;
Угасни ты, противный свет!
Погибни, жизнь, где друга нет!
С ним розно умерла я
И здесь и там для рая».
Так дерзко, полная тоской,
Душа в ней бунтовала...
Творца на суд она с собой
Безумно вызывала,
Терзалась, волосы рвала
До той поры, как ночь пришла
И темный свод над нами
Усыпался звездами.
И вот... как будто легкий скок
Коня в тиши раздался:
Несется по полю ездох;
Гремя, к крыльцу примчался;
Гремя, взбежал он на крыльцо;
И двери брякнуло кольцо...
В ней жилки задрожали...
Сквозь дверь ей прошептали:
«Скорей! сойди ко мне, мой свет!
Ты ждешь ли друга, спишь ли?
Меня забыла ты иль нет?
Смеешься ля, грустишь ли?»
«Ах! милый... бог тебя принес!
А я... от горьких, горьких слез
И свет в очах затмился...

Ты как здесь очутился?»

«Седлаем в полночь мы коней...

Я еду издалека.

Не медли, друг; сойди скорей;

Путь долог, мало срока».

«На что спешить, мой милый, нам?

И ветер воеет по кустам,

И тьма ионная в поле;

Побудь со мной на воле».

«Что нужды нам до тьмы ночной!

В кустах пусть ветер воеет.

Часы бегут; конь борзый мой

Копытом землю роет;

Нельзя нам ждать; сойди, дружок;

Нам долгий путь, нам малый срок:

Не в пору сон и нега:

Сто миль нам до ночлега».

«Но как же конь твой пролетит

Сто миль до утра, милый?

Ты слышишь, колокол гудит:

Одиннадцать пробило».

«Но месяц встал, он светит нам...

Гладка дорога мертвецам;

Мы скачем, не боимся;

До света мы домчимся».

«Но где же, где твой уголок?

Где наш приют укромный?»

«Далеко он... пять-шесть досток...

Прохладный, тихий, темный».

«Есть место мне?» — «Обоим нам.

Поедем! все готово там;

Ждут гости в нашей келье;

Пора на новоселье!»

Она подумала, сошла,

И на коня вспрыгнула,

И друга нежно обняла,

И вся к нему прильнула.

Помчались... конь бежит, летит,

Под ним земля шумит, дрожит,

С дороги вихри вьются,

От камней искры льются.

И мимо их холмы, кусты,

Поля, леса летели;

Под конским топотом мосты

Тряслися и гремели.

«Не страшно ль?» — «Месяц светит нам!»

«Гладка дорога мертвецам!

Да что же так дрожишь ты?»

«Зачем о них твердишь ты?»

«Но кто там стонет? Что за звон?

Что ворона взбудило?

По мертвом звон; надгробный стон;

Голосят над могилой».

И виден ход: идут, поют,

На дрогах тяжкий гроб везут,

И голос погребальный,

Как вой совы печальный.

«Заройте гроб в полночный час:

Слезам теперь не место;
За мной! к себе на свадьбу вас
Зову с моей невестой.
За мной, певцы; за мной, пастор;
Пропой нам многолетье, хор;
Нам дай на обручение,
Пастор, благословенье».
И звон утих... и гроб пропал...
Столпился хор проворно
И по дороге побежал
За ними тенью черной.
И дале, дале!.. конь летит,
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри выются,
От камней искры льются.
И сзади, спереди, с боков
Окрестность вся летела:
Поля, холмы, ряды кустов,
Заборы, дома, села.
«Не страшно ль?» — «Месяц светит нам!»
«Гладка дорога мертвецам!
Да что же так дрожишь ты?»
«О мертвых все твердишь ты!»
Вот у дороги, над столбом,
Где висельник чернеет,
Воздушных рой, свиясь кольцом,
Кружится, пляшет, веет.
«Ко мне, за мной, вы, плясуны!
Вы все на пир приглашены!

Скачу, лечу жениться...
Ко мне! Повеселиться!»
И летом, летом легкий рой
Пустился вслед за ними,
Шумя, как ветер полевой
Меж листьями сухими.
И дале, дале!.. конь летит,
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри выются,
От камней искры льются.
Вдали, вблизи, со всех сторон
Все мимо их бежало;
И все, как тень, и все, как сон,
Мгновенно пропадало.
«Не страшно ль?» — «Месяц светит
нам».
«Гладка дорога мертвецам!
Да что же так дрожишь ты?»
«Зачем о них твердишь ты?»
«Мой конь, мой конь, песок бежит;
Я чую, ночь свежее;
Мой конь, мой конь, петух кричит;
Мой конь, несись быстрее...
Окончен путь; исполнен срок;
Наш близко, близко уголок;
В минуту мы у места...
Приехали, невеста!»
К воротам конь во весь опор
Примчавшись, стал и топнул;

Ездок бичом стегнул затвор —
Затвор со стуком лопнул;
Они кладбище видят там...
Конь быстро мчится по гробам;
Лучи луны сияют,
Кругом кресты мелькают.
И что ж, Ленора, что потом?
О страх!.. в одно мгновенье
Кусок одежды за куском
Слетел с него, как тленье;
И нет уж кожи на костях;
Безглазый череп на плечах;
Нет каски, нет колета;
Она в руках скелета.
Конь прынул... пламя из ноздрей
Волною побежало;
И вдруг... все пылью перед ней
Расшиблось и пропало.
И вой и стон на вышине;
И крик в подземной глубине,
Лежит Ленора в страхе
Полмертвая на прахе.
И в блеске месячных лучей,
Рука с рукой, летает,
Виясь над ней, толпа теней
И так ей припевает:
«Терпи, терпи, хоть ноет грудь;
Творцу в бедах покорна будь;
Твой труп сойди в могилу!

А душу бог помилуй!»

КОРОЛЕВА УРАКА И ПЯТЬ МУЧЕНИКОВ

Пять чернецов в далекий путь идут;
Но им назад уже не возвратиться;
В отечестве им боле не молиться:
Они конец меж нехристей найдут.
И с набожной Уракой королевой,
Собравшись в путь, прощаются они:
«Ты нас в своих молитвах помяни,
А над тобой Христос с пречистой девой!
Послушай, три пророчества тебе
Мы, отходя, на память оставляем;
То суд небесный, он неизменяем;
Смирись, своей покорствуя судьбе.
В Марокке мы за веру нашей кровью
Омоем землю, там в последний час
Прославим мы того, кто сам за нас
Мучение приял с такой любовью.
В Коимбру наши грешные тела
Перенесут: на то святая воля,
Дабы смиренных мучеников доля
Для христиан спасением была.
И тот, кто первый наши гробы встретит
Из вас двоих, король иль ты, умрет
В ту ночь: наутро новый день взойдет,

Его ж очей он боле не осветит.
Прости же, королева, бог с тобой!
Вседневно за тебя молиться станем,
Пока мы живы; и тебя помянем
В ту ночь, когда конец настанет твой».
Пять чернецов, один после другога
Благословив ее, в свой путь пошли
И в Африку смиренно понесли
Небесный дар учения Христова.
«Король Альфонзо, знает ли что свет
О чернецах? Какая их судьбина?
Приял ли ум царя Мирамолина
Ученье их? Или уже их нет?»
«Свершилося великое их дело:
В небесную они вступили дверь;
Пред господом стоят они теперь
В венце, в одежде мучеников белой.
А их тела, под зноем, под дождем,
Лежат в пыли, истерзаны мученьем;
И верные почтить их погребеньем
Не смеют, трепеща перед царем».
«Король Альфонзо, из земли далекой
Какая нам о мучениках весть?
Оказана ль им погребенья честь?
Смягчился ли Мирамолин жестокий?»
«Свирепый мавр хотел, чтоб их тела
Без погребенья честного истлели,
Чтоб расклевал их вран иль псы их съели,
Чтоб их костей земля не приняла.

Но божий там молнии пылали;
Но божий гром всечасно падал там;
К почиющим в нетлении телам
Ни пес, ни вран коснуться не дерзали.
Мирамолин, сим чудом поражен,
Подумал: нам такие страшны гости.
И Педро, брат мой, взял святые кости;
Уж на пути к Коимбре с ними он».
Все алтари коимбрские цветами
И тканями богатыми блестят;
Все улицы коимбрские кипят
Шумящими, веселыми толпами.
Звонят в колокола, кадят, поют;
Священники и рыцари в собрание;
Готово все начать торжествованье,
Лишь короля и королеву ждут.
«Пойдем, жена моя Урака, время!
Нас ждут; собрался весь духовный чин».
«Поди, король Альфонзо, ты один,
Я чувствую болезни тяжкой бремя».
«Но мощи мучеников исцелят
Твою болезнь в единое мгновенье:
За прежнее твое благоволенье
Они теперь тебя вознаградят.
Пойдем же им во сретение с ходом;
Не замедляй процессии святой;
То будет грех и стыд для нас с тобой,
Когда мощей не встретим мы с народом».
На белого коня тогда она

Садится; с ней король; они за ходом
Тихонько едут; все кипит народом;
Дорога вся как цепь людей одна.
«Король Альфонзо, назади со мною
Не оставайся ты; спеши вперед,
Чтоб первому, предупредя народ,
Почтить святых угодников мольбою.
Меня всех сил лишает мой недуг,
И нужен мне хоть миг отдохновенья;
Последую тебе без замедленья...
Спеши ж вперед со свитою, мой друг».
Немедленно король коню дал шпоры
И поскакал со свитою вперед;
Уж назади остался весь народ,
Уж вдалеке их потеряли взоры.
Вдруг дикий вепрь им путь перебежал.
«Лови! лови!» (к своим нетерпеливый
Кричит король) — и конь его ретивый
Через поля за вепрем поскакал.
И вепря он гоняет. Той порою
Медлительно во сретенье мощей
Идет Урака с свитою своей,
И весь народ валит за ней толпою.
И вдалеке представился им ход:
Идут, поют, несут святые раки;
Уже они пред взорами Ураки,
И с нею в прах простерся весь народ.
Но где ж король?... Увы! Урака плачет:
Исполниться пророчеству над ней!

И вот, глядит... со свитою своей,
Оконча лов, король Альфонзо скачет.
«Угодники святые, за меня
Вступитесь! (она гласит, рыдая)
Мне помощи, о, дева пресвятая,
В последний час решительного дня».
И в этот день в Коимбре все ликует;
Народ поет; все улицы шумят;
Нерадостен лишь королевин взгляд;
На празднике одна она тоскует.
Проходит день, и праздник замолчал;
На западе давно уж потемнело;
На улицах Коимбры опустело;
И тихо час полночный наступал.
И в этот час во храме том, где раки
Угодников стояли, был монах:
Святым мощам молился он в слезах;
То был смиренный духовник Ураки.
Он молится... вдруг час полночный бьет;
И поражен чудесным он виденьем;
Он видит: в храм с молитвой, с тихим пеньем
Толпа гостей таинственных идет.
В суровые одеты власяницы,
Веревкою обвязаны простой;
Но блеск от них исходит неземной,
И светятся преображенны лица.
И в сонме том блистательней других
Являлися пять иноков, как братья;
Казалось, кровь их покрывала платья,

И ветви пальм в руках сияли их.
И тот, кто вел пришельцев незнакомых,
Казалось, был еще земли жилец;
Но и над ним горел лучей венец,
Как над святой главою им ведомых.
Пред алтарем они, устроясь в ряд,
Запели гимн торжественно-печальный:
Казалось, свершали погребальный
За упокой души они обряд.
«Скажите, кто вы? (чудом изумленный,
Спросил святых пришельцев духовник)
О ком поет ваш погребальный лик?
О чьей душе вы молитесь блаженной?»
«Угодников святых ты слышишь глас;
Мы братья их, пять чернецов смиренных:
Сопричтены за муки в лик блаженных;
Отец Франциск живой предводит нас.
Исполнили мы королеве данный
Обет: ее теперь возьмет земля;
Поди отсель, уведошь короля
О том, чему ты зритель был избранный».
И скрылось все... Оставив храм, чернец
Спешит к Альфонзу с вестью печальной...
Вдруг тяжело звон раздался погребальный:
Он королевин возвестил конец.

РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ

Раз Карл Великий пировал;
Чертог богато был украшен;
Кругом ходил златой бокал;
Огромный стол трещал от брашен;
Гремел певцов избранных хор;
Шумел веселый разговор;
И гости вдоволь пили, ели,
И лица их от вин горели.
Великий Карл сказал гостям:
"Свершить нам должно подвиг трудный.
Прилично ль веселиться нам,
Когда еще Аргусов чудный
Не завоеван талисман?
Его укравший великан
Живет в Арденском лесе темном,
Он на щите его огромном".
Отважный Оливьер, Гварин,
Силач Гемон, Наим Баварский,
Агландский граф Милон, Мерлин,
Такой услыша вызов царский,
Из-за стола тотчас встают,
Мечи тяжелые берут;
Сверкают их стальные брони;
Их боевые пляшут кони.

Тут сын Милонов молодой
Роланд сказал: "Возьми, родитель,
Меня с собой; я буду твой
Оруженосец и служитель.
Ваш подвиг не по летам мне;
Но ты позволь, чтоб на коне
Я вез, простым твоим слугою,
Копье и щит твой за тобою".
В Арденский лес одним путем
Шесть бодрых витязей пустились,
В средину въехали, потом
Друг с другом братски разлучились.
Младой Роланд с копьем, щитом
Смиренно едет за отцом;
Едва от радости он дышит;
Бодрит коня; конь ржет и пышет.
И рыщут по лесу они
Три целых дня, три целых ночи;
Устали сами; их кони
Совсем уж выбились из мочи;
А великана все им нет.
Вот на четвертый день, в обед,
Под дубом сенисто-широким
Милон забылся сном глубоким.
Роланд не спит. Вдруг видит он:
В лесной дали, сквозь сумрак сеней.
Блеснуло; и со всех сторон
Вскочило множество оленей,
Живым испуганных лучом;

И там, как туча, со щитом,
Блистающим от талисмана,
Валит громада великана.
Роланд глядит на пришлеца
И мыслит: "Что же ты за диво?
Будить мне для тебя отца
Не к месту было бы учтиво;
Здесь за него, пока он спит,
Его копье, и добрый щит,
И острый меч, и конь задорный,
И сын Роланд, слуга проворный".
И вот он на бедро свое
Повесил меч отцов тяжелый;
Взял длинное его копье
И за плеча рукою смелой
Его закинул крепкий щит;
И вот он на коне сидит;
И потихоньку удалился —
Дабы отец не пробудился.
Его увидя, сморщил нос
С презреньем великан спесивый.
"Откуда ты, молокосос?
Не по тебе твой конь ретивый;
Смотри, тебя длинней твой меч;
Твой щит с твоих ребячьих плеч,
Тебя переломив, свалится;
Твое копье лишь мне годится".
"Дерзка твоя, как слышу, речь;
Посмотрим, таково ли дело?"

Тяжел мой щит для детских плеч —
Зато за ним стою я смело;
Пусть неуч я — мой конь учен;
Пускай я слаб — мой меч силен;
Отведай нас; уж мы друг другу
Окажем в честь тебе услугу".
Дубину великан взмахнул,
Чтоб вдребезги разбить нахала,
Но конь Роландов отпрыгнул;
Дубина мимо просвистала.
Роланд пустил в него копьем;
Оно осталось с острием,
Погнутым силой талисмана,
В щите пронзенном великана.
Роланд отцовский меч большой
Схватил обеими руками;
Спешит схватить противник свой;
Но крепко стиснут он ножнами;
Еще меча он не извлек,
Как руку левую отсек
Ему наш витязь; кровь струею;
Прочь отлетел и щит с рукою.
Завыл от боли великан,
Кипучей кровию облитый:
Утратив чудный талисман,
Он вдруг остался без защиты;
Вслед за щитом он побежал;
Но по ногам вдогонку дал
Ему Роланд удар проворный:

Он покатился глыбой черной.
Роланд, подняв отцовский меч,
Одним ударом исполину
Отрушил голову от плеч,
Свистя, кровь хлынула в долину.
Щит великанов взяв потом,
Он талисман, блиставший в нем
(Осьмое чудо красотою),
Искусной выломал рукою.
И в платье скрыл он взятый клад;
Потом струе й ручья леснова
С лица и с рук, с коня и с лат
Смыл кровь и прах и, севши снова
На доброго коня, шажком
Отправился своим путем
В то место, где отец остался;
Отец еще не просыпался.
С ним рядом лег Роланд и в сон
Глубокий скоро погрузился
И спал, покуда сам Милон
Под сумерки не пробудился.
"Скорей, мой сын Роланд, вставай;
Поддай мой шлем, мой меч поддай;
Уж вечер; всюду мгла тумана;
Опять не встретим великана".
Вот ездит он в лесу густом
И великана ищет снова;
Роланд за ним с копьем, щитом —
Но о случившемся ни слова.

И вот они в долине той,
Где жаркий совершился бой;
Там виден был поток кровавый;
В крови валялся труп безглавый.
Роланд глядит; своим глазам
Не верит он: что за причина?
Одно лишь туловище там;
Но где же голова, дубина?
Где панцирь, меч, рука и щит?
Один ободранный лежит
Обрубок мертвеца нагого;
Следов не видно остального.
Труп осмотрев, Милон сказал:
"Что за уродливая груда!
Еще ни разу не видал
На свете я такого чуда:
Чей это труп?... Вопрос смешной!
Да это великан; другой
Успел дать хищнику управу;
Я проспал честь мою и славу".
Великий Карл глядел в окно
И думал: "Страшно мне по чести;
Где рыцари мои? Давно
Пора б от них иметь нам вести.
Но что?... Не герцог ли Гемон
Там едет? Так, и держит он
Свое копье перед собою
С отрубленную головою".
Гемон, с нахмуренным лицом

Приблизься, голову немую
Стряхнул с копья перед крыльцом
И Карлу так сказал: "Плохую
Добычу я завоевал;
Я этот клад в лесу достал,
Где трое суток я скитался:
Мне враг без головы попался".
Приехал за Гемоном вслед
Тюрпин, усталый, бледный, тощий.
"Со мною талисмана нет:
Но вот вам дорогие мощи".
Добычу снял Тюрпин с седла:
То великанова была
Рука, обвитая тряпицей,
С его огромной рукавицей.
Сердит и сумрачен, Наим
Приехал по следам Тюрпина,
И великанова за ним
Висела на седле дубина.
"Кому достался талисман,
Не знаю я; но великан
Меня оставил в час кончины
Наследником своей дубины".
Шел рыцарь Оливьер пешком,
Задумчивый и утомленный;
Конь, великановым мечом
И панцирем обремененный,
Едва копыта подымал.
"Все это с мертвеца я снял;

Мне от победы мало чести;
О талисмане ж нет и вести".
Вдали является Гварин
С щитом огромным великана,
И все кричат: "Вот паладин,
Завоеватель талисмана!"
Гварин, подъехав, говорит:
"В лесу нашел я этот щит;
Но обманулся я в надежде:
Был талисман украден прежде".
Вот наконец и граф Милон.
Печален, во вражде с собою,
К дворцу тихонько едет он
С потупленною головою.
Роланд смиренно за отцом
С его копьем, с его щитом,
И светятся, как звезды ночи,
Под шлемом удалые очи.
И вот они уж у крыльца,
На коем Карл и паладины
Их ждут; тогда на щит отца
Роланд, сорвав с его середины
Златую бляху, утвердил
Свой талисман и щит открыл...
И луч блеснул с него чудесный,
Как с черной тучи день небесный.
И грянуло со всех сторон
Шумящее рукоплесканье;
И Карл сказал: "Ты, граф Милон,

Исполнил наше упование;
Ты возвратил нам талисман;
Тобой наказан великан;
За славный подвиг в награжденье
Прими от нас благоволение".
Милон, слова услыша те,
Глаза на сына обращает...
И что же? Перед ним в щите,
Как солнце, талисман сияет.
"Где это взял ты, молодец?"
Роланд в ответ: "Прости, отец;
Тебя будить я побоялся
И с великаном сам подрался".

ПЛАВАНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Раз Карл Великий морем плыл,
И с ним двенадцать пэров плыло,
Их путь в святую землю был;
Но море злилося и выло.
Тогда Роланд сказал друзьям:
«Деруся я на суше смело;
Но в злую бурю по волнам
Хлестать мечом плохое дело».
Датчанин Гольгер молвил: «Рад
Я веселить друзей струнами;
Но будет ли какой в них лад
Между ревущими волнами?»
А Оливьер сказал, с плеча
Взглянув на бурных волн сугробы:
«Мне жалко нового меча:
Здесь утонуть ему без пробы».
Нахмурясь, Ганелон шепнул:
«Какая адская тревога!
Но только б я не утонул!..
Они ж?.. туда им и дорога!»
«Мы все плывем к святым местам! —
Сказал, крестясь, Тюрпин-святитель. —
Явись и в пристань по волнам
Нас, грешных, проведи, Спаситель!»

«Вы, бесы! — граф Рихард вскричал, —
Мою вы ведаете службу;
Я много в ад к вам душ послал —
Явите вы теперь мне дружбу».
«Уж я ли, — вымолвил Наим, —
Не говорил: нажить нам горе?
Но слово умное глухим
Есть капля масла в бурном море».
«Беда! — сказал Риоль седой, —
Но если море не уймется,
То мне на старости в сырой
Постеле нынче спать придется».
А граф Гюи вдруг начал петь,
Не тратя жалоб бесполезно:
«Когда б отсюда полететь
Я птичкой мог к своей любезной!»
«Друзья, сказать ли вам? ей-ей! —
Промолвил граф Гварин, вздыхая, —
Мне сладкое вино вкусней,
Чем горькая вода морская».
Ламберт прибавил: «Что за честь
С морскими чудами сражаться?
Гораздо лучше рыбу есть,
Чем рыбе на обед достаться».
«Что бог велит, тому и быть! —
Сказал Годафруа. — С друзьями
Я рад добро и зло делить;
Его святая власть над нами».
А Карл молчал: он у руля

Сидел и правил. Вдруг явилась
Святая вдалеке земля,
Блеснуло солнце, буря скрылась.

РЫЦАРЬ РОЛЛОН

Был удалец и отважный наездник Роллон;
С шайкой своей по дорогам разбойничал он.
Раз, запоздав, он в лесу на усталом коне
Ехал, и видит, часовня стоит в стороне.
Лес был дремучий, и был уж полуночный час;
Было темно, так темно, что хоть выколи глаз;
Только в часовне лампада горела одна,
Бледно сквозь узкие окна светила она.
«Рано еще на добычу, — подумал Роллон, —
Здесь отдохну», — и в часовню пустынную он
Входит; в часовне, он видит, гробница стоит;
Трепетно, тускло над нею лампада горит.
Сел он на камень, вздремнул с полчаса и потом
Снова поехал лесным одиноким путем.
Вдруг своему щитоносцу сказал он: «Скорей
Съезди в часовню; перчатку оставил я в ней».
Посланный, бледен как мертвый, назад прискакал.
«Этой перчаткой другой завладел, — он сказал. —
Кто-то нездешний в часовне на камне сидит;
Руку он всунул в перчатку и страшно глядит;
Треплет и гладит перчатку другой он рукой;
Чуть я со страха не умер от встречи такой».
«Трус!» — на него запальчиво Роллон закричал,
Шпорами стиснул коня и назад поскакал.

Смело на страшного гостя ударил Роллон:
Отнял перчатку свою у нечистого он.
«Если не хочешь одной мне совсем уступить,
Обе ссуди мне перчатки хоть год поносить», —
Молвил нечистый; а рыцарь сказал ему: «На!
Рад испытать я, заплатит ли долг сатана;
Вот тебе обе перчатки; отдай через год».
«Слышу; прости, до свиданья», — отвечивал тот.
Выехал в поле Роллон; вдруг далекий петух
Крикнул, и топот коней поражает им слух.
Робость Роллона взяла; он глядит в темноту:
Что-то ночную наполнило вдруг пустоту;
Что-то в ней движется; ближе и ближе; и вот
Черные рыцари едут попарно; ведет
Сзади слуга в поводах вороного коня;
Черной попоной покрыт он; глаза из огня.
С дрожью невольной спросил у слуги паладин:
«Кто вороного коня твоего господин?»
«Верный слуга моего господина, Роллон.
Ныне лишь парой перчаток расчелся с ним он;
Скоро отдаст он иной, и последний, отчет;
Сам он поедет на этом коне через год».
Так отвечав, за другими последовал он.
«Горе мне! — в страхе сказал щитоносу Роллон, —
Слушай, тебе я коня моего отдаю;
С ним и всю сбрую возьми боевую мою:
Ими отныне, мой верный товарищ, владей;
Только молись о душе осужденной моей».
В ближний пришед монастырь, он приору сказал.

«Страшный я грешник, но бог мне покаяться дал.
Ангельский чин я еще недостойн носить;
Служкой простым я желаю в обители быть».
«Вижу, ты в шпорах, конечно, бывал ездоком;
Будь же у нас на конюшне, ходи за конем».
Служит Роллон на конюшне, а время идет;
Вот наконец совершился ровнехонько год.
Вот наступил уж и вечер последнего дня;
Вдруг привели в монастырь молодого коня:
Статен, красив, но еще не объезжен был он.
Взять дикаря за узду подступает Роллон.
Взвизгнул, вскочив на дыбы, разъярившийся конь;
Грива горой, из ноздрей, как из печи, огонь;
В сердце Роллона ударил копытами он;
Умер, и разу вздохнуть не успевши, Роллон.
Вырвавшись, конь убежал, и его не нашли.
К ночи, как должно, Роллона отцы погребли.
В полночь к могиле ужасный ездук прискакал:
Черного, злого коня за узду он держал;
Пара перчаток висела на черном седле.
Жалобно охнув, Роллон повернулся в земле;
Вышел из гроба, со вздохом перчатки надел,
Сел на коня, и как вихорь с ним конь улетел.

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ

Он был весной своей
В земле обетованной
И много славных дней
Провел в тревоге бранной.
Там ветку от святой
Оливы оторвал он;
На шлем железный свой
Ту ветку навязал он.
С неверным он врагом,
Нося ту ветку, бился
И с нею в отчий дом
Прославлен возвратился.
Ту ветку посадил
Сам в землю он родную
И часто приносил
Ей воду ключевую.
Он стал старик седой,
И сила мышц пропала;
Из ветки молодой
Олива деревом стала.
Под нею часто он
Сидит, уединенный,
В невыразимый сон
Душою погруженный.

Над ним, как друг, стоит,
Обняв его седины,
И ветвями шумит
Олива Палестины;
И, внемля ей во сне,
Вздыхает он глубоко
О славной старине
И о земле далекой.

БРАТОУБИЙЦА

На скале приморской мшистой,
Там, где берег грозно дик,
Богоматери пречистой
Чудотворный зрится лик;
С той крутой скалы на воды
Мать божия глядит
И пловца от непогоды
Угрожающей хранит.
Каждый вечер, лишь молебный
На скале раздастся звон,
Глас ответственный хвалебный
Восстает со всех сторон;
Пахарь пенем освящает
Дня и всех трудов конец,
И на палубе читает
«Ave Maria» пловец.
Благодатного Успенья
Светлый праздник наступил;
Все окрестные селенья
Звон призывный огласил;
Солнце радостно и ярко,
Бездна вод светла до дна,
И природа, мнится, жаркой
Вся молитвою полна.

Все пути кипят толпами,
Все блестит вдали, вдали;
Убралися вымпелами
Челноки и корабли;
И, в один слившись крестный
Богомольно-шумный ход,
Вьется лестницей небесной
По святой скале народ.
Сзади, в грубых власяницах,
Слезы тяжкие в очах,
Бледный пост на мрачных лицах,
На главе зола и прах,
Идут грешные в молчанье;
Им с другими не вступить
В храм святой; им в покаянье
Перед храмом слезы лить.
И от всех других далеко
Мертвецом бредет один:
Щеки впалы; тускло око;
Полон мрачный лоб морщин;
Из железа пояс ржавый
Тело чахлое гнетет,
И, к ноге прильнув кровавой,
Злая цепь ее грызет.
Брата некогда убил он;
Изломав проклятый меч,
Сталь убийства обратил он
В пояс; латы скинул с плеч,
И в оковах, как колодник,

Бродит он с тех пор и ждет,
Что какой-нибудь угодник
Чудом цепь с него сорвет.
Бродит он, бездомный странник,
Бродит много, много лет;
Но прощения посланник
Им не встречен; чуда нет.
Смутен день, бессонны ночи,
Скорбь с людьми и без людей,
Вид небес пугает очи,
Жизнь страшна, конец страшней.
Вот, как бы дорогой терний,
Тяжко к храму всходит он;
В храме все молчат, вечерний
Внемля благовеста звон.
Стал он в страхе пред дверями:
Девы лик сквозь фимиам
Блещет, обданный лучами
Дня, сходящего к водам.
И окрест благоговенья
Распростерлась тишина:
Мнится, таинством Успенья
Вся земля еще полна,
И на облаке сияет
Возлетевшей девы след,
И она благословляет,
Исчезая, здешний свет.
Все пошли назад толпами;
Но преступник не спешит

Им вослед, перед дверями,
Бледен ликом, он стоит:
Цепи все еще вокруг тела,
Ими сжатого, лежат,
А душа уж улетела
В град свободы, в божий град.